
Б. Н. Алмазов

Наблюдения Эраста Благодного над русской литературой и журналистикой

Эраст Благодный, бросив перчатку всем русским журналам и ожесточив их против себя столько, сколько ему на первый раз было надобно, удаляется с литературного поприща; но опять на него возвращается и для почина хвалит самого себя. — Перечень русских журналов и приблизительное исчисление русских писателей: гг. Гончаров, Дружинин, Панаев, граф Саллогуб, Григорович, Нестров, Островский, Писемский, Берг, Щербина, Мей, Майков, Огарев, Фет, Полонский, Некрасов, Хомяков; о дамах писательницах не упоминается. Эраст Благодный не отказывает в некотором сочувствии Новому Поэту и Иногородному Подписчику, но отзывается с большим пренебрежением о рецензенте «Отечественных записок». Э. Благодный видит, что в его отсутствие надела русская литература: статья г. Галахова; г. Краевский и его взгляд на искусство. — Роман г-жи Тур. — «Прописки» г. Леонтьева. — Заключение в лирическом роде.

Осмеянный «Современником», уязвленный «Библиотекой для чтения», оплаканный прошлогодними «Санкт-Петербургскими ведомостями», оклеветанный «Отечественными записками», неразгаданный публикой, оцененный одним потомством «фельетонист, состоящий при молодой редакции», — Эраст Благодный по возобновлении в первый раз имеет честь выступить на литературное поприще.

Итак, храбрый, неустрашимый, непобедимый Эраст опять на поле битвы, опять поднимает свое знамя!.. Се старый Бульба, отправляющийся в Сечь после многолетней праздной жизни! Се Цинцинат, возвращающийся от плуга к жизни государственной!!.. Се Ахилл, выходящий из преступного бездействия и устремляющий свои удары на старую Трояю!!!! Се Наполеон, возвратившийся с острова Эльбы!!!!..

Эраст, Эраст! Ты еще очень недавно выступил на литературную арену (не более как год), ты очень мало написал (всего каких-нибудь четыре фельетончика), — а сколько шуму ты надела! Сколько создал себе врагов! сколько самолюбий смертельно ранил! сколько крови испортил у старых русских литераторов! Скольких пробудил от мирного летаргического сна и тем весьма обеспокоил! Четырьмя фельетончиками ты потряс до основания все величественное, одиннадцатилетнее здание русской журналистики. Твои фельетоны, напечатанные в конце одного «не совсем известного» русского журнала «на заднем плане его», как выразился один великий критик, несмотря на это, обратили на себя внимание всех русских журналов: их открыли; о них писали, писали, писали... и теперь, кажется, еще пишут. О Эраст, Эраст! О мощный, неустрашимый дух! О последнее проявление варяжского (норманского?) элемента русской истории!

Да, судьба моя престранная. Родился я от благородных родителей, воспитан прекрасно, и вдруг — *figurez vous*¹ — делаюсь русским писателем. Я, право, этого не предполагал... Я как-то совершенно нечаянно написал четыре статейки, — и у меня явилась пропасть врагов, которые обо мне очень заботятся и преследуют меня всеми средствами. Меня бранят, на меня клеветают, меня унижают, со мной даже вступает в полемику рецензент «Отечественных записок», на меня злобно намекают какие-то, впрочем, очень полезные, ведомости. Обвинения, которые были на меня взводимы, самые разнообразны. Я думал от них отмолчаться, потому что находил, что не из чего поднимать шуму, и потому что не давал большого значения ни моим статьям, ни тому, что против них написано. Но так как меня уведомили, что выходки против моих статей еще продолжают, то я решаюсь однажды навсегда оправдаться и высказать мое *profession de foi*² перед моими малочисленными, но горячо любимыми мной читателями. Итак, любезные читатели, прошу вас меня выслушать и принять мое дело на апелляцию.

Главное и самое серьезное обвинение, которое на меня взводили, состоит в том, что будто бы я, обуянный самым неукротимым самолюбием, дерзнул смеяться над такими литературными деятелями, которые должны внушать к себе одно только благоговение. Но таковыми литературными деятелями могут быть признаны только люди, подобные Ломоносову, Жуковскому, Пушкину, Гоголю и другим писателям, сделавшим переворот в нашей литературе. Отсохни язык мой, если я хоть однажды произнес хулу против таких личностей. Деятели, которых я задевал, самые обыкновенные люди, и тот, кто осмелится их поставить на одну доску с вышепоименованными великими деятелями нашей литературы, должен быть обвинен в крайней бестактности, пристрастии и слепоте.

Меня упрекали в том, что я слишком серьезно смотрю на литературное дело и слишком строг к литературным произведениям; мне советовали смотреть на литературу полегче, быть терпимее к ее безобразию и писать статьи побеззаботнее и повеселее.

С детства моего я горячо любил русскую литературу; долго она была для меня главным источником восторгов и наслаждений, главною руководительницею в моем развитии. Оттого я привык на нее смотреть как на что-то очень серьезное, привык от нее требовать поучения и одних высоконравственных наслаждений. Я никак не могу согласиться с теми, кто смотрит на литературу как на вещь, которая должна нас только развлекать и забавлять, подобно биллиардной игре, верховой езде, танцам и романам Александра Дюма. В наше время расплодилось много людей, даже умных, которые так легко смотрят на литературу и ищут в художественных произведениях только самого легкого удовольствия; они сердятся на автора, ежели произведение его слишком их потрясает и особенно ежели пробуждает их совесть. Прекрасно сказал про них Гоголь в первой части «Мертвых душ», что этим господам могут нравиться только такие произведения, которые их не тревожат, по прочтении которых они не волнуются, не чувствуют ни угрызений совести, ни мучительной жалости к ближнему и тревоги о его участи, — и могут очень спокойно усестись за карточный стол или вообще заняться чем-нибудь серьезным, требующим спокойного расположения духа. Вот отчего эти господа так не любят Гоголя, этого вечного врага нашей совести, гонителя апатии и самодовольства. Я, как вы видите, совершенно не согласен с таким взглядом на литературу; потому прошу вас представить мое положение, когда я всмотрелся и вник в состояние современной нашей литературы; прошу вас вообразить те чувства, с какими я стал смотреть

¹ Представьте себе (франц.).

² Исповедание веры (франц.).

на нее с той поры, как она сделалась рынком, где сбываются сырые, грубые, литературные продукты и где при этом на каждом шагу воздвигаются увеселительные балаганы, зазывающие и продавцов, и покупателей приятно провести свободное от дел время, и где предлагаются горячительные и прохладительные напитки.

Выросший в уединении, воспитанный на Карамзине, Жуковском, Крылове, Грибоедове, Пушкине, я составил себе самое высокое понятие о литературе, и *литератор* представлялся моему воображению в виде полубога. Но когда я взглянул поближе на литературу, когда увидел мелочность целей и побуждений и узость взгляда большинства «литераторов», то я чуть было не впал в отчаяние. Сознаю, что не без отвращения смотрел я на это жалкое положение когда-то дорогой мне отечественной литературы. Это чувство с примесью желчи и негодования выразилось в моих статьях, которые я наконец написал, совершенно вышедши из терпения, и которые бы мне следовало начать словами: «Quosque tandem Catilina?...»³. После этого признания с моей стороны вы не удивитесь, что мою статью упрекнули в излишней строгости и отсутствии веселости. Впрочем, я несколько не старался придавать строгий тон моим статьям; напротив, я мои мысли облекал в самую шутивную и веселую форму. Оттого я несказанно благодарен тому, кто, хотя и с упреком мне, но указал публике на строгость моего литературного взгляда и мою нетерпимость в отношении художественных произведений. Он этим дал ей заметить, что я пишу не для того только, чтобы тешить и смешить, не для одного паясничества, но что у меня есть свои твердые убеждения и неизменные взгляды; а ведь во всем этом мне отказывали остальные мои противники.

Много еще подобных обвинений было на меня взводимо. Между прочим, некоторые говорили, что будто бы я смотрю с пренебрежением на всю современную русскую литературу и *совершенно* недоволен *всеми* русскими писателями. Для этого, чтобы отклонить это обвинение, постараюсь высказать свой взгляд на русскую журналистику и литературу. Потому я должен буду прибегнуть к перечню органов и деятелей, из которых состоит та и другая. На этом основании предлагаю вам список русских журналов и таковой же писателей с непрерывным на них комментарием.

При взгляде на русскую журналистику нам представляется следующее:

1) «Отечественные записки, учебно-литературный журнал, издаваемый А. А. Краевским», с эпитафией: «Beatae plane aures, quae non vocem foris sonantem, sed intus auscultant veritatem docentem»⁴, — печатавший когда-то на своих страницах стихи Лермонтова и Кольцова и повести Луганского, а ныне печатающий на том же самом месте произведения вроде «Старого дома», а в разделе критики статьи г. Галахова, того самого, который, перепечатавши столько отрывков из русских писателей, воздвигнул себе нерукотворный памятник с надписью: «Полная русская хрестоматия, или Образцы поэзии и красноречия, составил А. Галахов». Прохожий! благоговей!

2) «Современник, литературный журнал, издаваемый с 1847 года И. Панаевым и Н. Некрасовым», без эпитафий и без церемоний, — журнал, отличающийся великосветским тоном и великосветским взглядом.

3) «Библиотека для чтения», с греческим эпитафием из Ксенофонта (который я не выписываю по незнанию греческого языка, но который непременно выпишу, когда выучусь по-гречески), — некогда самый веселый журнал, отличавшийся беспрерывным и ничем не укротимым остроумием. С нынешнего года этот журнал

³ Доколе, Катилина?.. (лат.).

⁴ Истинно блаженны уши, внимающие не голосу, звучащему вовне, но голосу, в тиши учащему истине (лат.).

стал распадаться на два отдела — литературный и не литературный. К литературному отделу принадлежат только «Письма Иногородного Подписчика», все остальное нисколько не относится к литературе.

4) «Пантеон», издание, прежде отличавшееся большою слабостию, но ныне, как слышно, подвергнувшееся большим переменам. Мы покуда не можем сказать о нем ни слова, потому что не читали его в новом виде, а если б и читали, то еще не решились бы теперь произнести суждение об издании, едва преобразовавшемся и, так сказать, едва оперившемся.

6) «Москвитянин»... Но что сказать о «Москвитянине»? Каковы бы ни были мои отношения к этому журналу и его сотрудникам, но ничто не мешает мне говорить откровенно. Я должен сознаться в двух вещах. Во-первых — я должен сказать, что очень люблю «Москвитянин» (и это очень позволительно, потому что в нем участвуют люди одинаковых со мною убеждений); во-вторых — я должен заметить, что «Москвитянин» далеко еще не представляет того, чего бы мне хотелось. В нем часто встречаются недосмотры, промахи и даже иногда неверные взгляды и противоречия.

— Как! — воскликнут, может быть, наши противники. — Вы сами сознаетесь в недостатках журнала, в котором участвуете, а между тем так строги к недостаткам других изданий.

— Но, милостивые государи мои, мы строги не к недостаткам других журналов (если б мы вздумали на них указывать, то нам бы недостало времени и спать). Нет! мы нападаем только на пороки других журналов и на злоупотребления, которыми они так изобилуют. В недостатках своих нам сознаться очень легко: мы пишем не для прославления своих имен, не для прославления «Москвитянина», но по свойственному и простительному всем людям желанию высказаться и вследствие похвального стремления хоть сколько-нибудь противодействовать злоупотреблениям, господствующим в нашей литературе.

Вот главные наши журналы — средоточие литературных кружков и партий.

Обратимся теперь к посильному исчислению наших замечательнейших литераторов.

Литераторы наши по части повестей и романов и драматических произведений суть:

Г. Гончаров⁵, автор двух очень замечательных произведений — романа «Обыкновенная история» и отрывка «Сон Обломова». Жаль, что критика до сих пор не сделала подробного разбора этих произведений. Это бы нужно сделать особенно потому, что они принадлежат к такого рода произведениям, которые непременно требуют разбора, ибо в них дурное так перемешано с хорошим, что не знаешь, сочувствовать ли автору или негодовать на него. Направление его произведений ложное, но у г. Гончарова такой талант, такая сила творчества, что, читая его роман, незаметно увлекаешься его направлением, смотришь на вещи его глазами и долго по прочтении не выходишь из-под его обаяния. В романе «Обыкновенная история» казнится самым жестоким образом так называемый романтизм в жизни. И любовь, и мечтательность, и вообще все то, что мешает нашей жизни сделаться сухою и пошлою и не допускает человека сделаться машиною, осмеяно очень искусно. Герой романа Петр Иванович, человек, не признающий, не понимающий ни внутренних страданий, ни безрасчетного увлечения любви, поставил себе идеалом жизни комфорт и выгодное положение в свете. Лицо это создано совершенно конкретно и потому совершенно художественно. Но взгляд автора на Петра Ивановича ложный:

⁵ Я здесь перечисляю только одних так называемых молодых литераторов, не беспокоя тех, чьих таланты и заслуги всеми уже признаны (примеч. Алмазова).

он слишком сочувствует ему и даже разделяет многие из его убеждений. Этого он не может скрыть ни от читателя, ни от самого себя, несмотря на то, что в конце романа бранит своего героя и старается уверить и себя, и других, что не любит его... Впрочем, трудно автору удержаться от любви к такому герою, как Петр Иванович. Даже читатель, хотя бы он был совершенно противоположного направления с г. Гончаровым, не может не увлечься Петром Ивановичем. Это герой в истинном значении этого слова; это Ахилл дендизма; это блестящее олицетворение практического направления. Он не дюжинный денди, не просто деловой человек: нет, в нем натура энергичная; про него можно сказать то же самое, что сказал г. Соловьев про Владимира Мономаха, то есть что он умеет придать блеск и прелесть самому плохому порядку вещей. Оттого всё раздвигается перед ним, всё дает ему дорогу, всё пред ним преклоняется. Юноши с романтическим направлением, с верою в любовь и дружбу трепещут и бледнеют пред всеодевающим холодом его мощных софизмов. Жаль, что бороться с таким атлетом автор заставил Александра Федоровича, молодого человека с очень слабенькой и жиденькой натурою. Оттого Петру Ивановичу ничего не стоят победы над своим племянником. Он иногда поражает его софизмами, нелепость которых может понять человек с самым незначительным умом. Вообще Александр Федорович не удался: он слишком неестествен; автор хотел вывести романтика и мечтателя, но вместо того вывел просто дурака. Это лицо написано по рецепту, составленному тогдашней критикой. В то время критика преследовала мечтателей и ратовала со всевозможным жаром против таких мечтателей и идеалистов, которых никогда не существовало и которые жили только в фантазии критиков. Александр Федорович одно из этих лиц. Оттого в нем нет почти ни одной живой черты, и он почти везде является отвлеченной идеей.

Что касается до «Сна Обломова», то первая его половина превосходна. В ней автор с таким теплым чувством говорит о деревенском быте, так верно и с такою любовью его описывает, что, читая его произведение, проникаешься чувством особенного к нему уважения за такие благородные чувства. Взгляд г. Гончарова на этот быт — совершенно оригинальный и новый; выражение и язык, употребляемый им в описаниях, нельзя похвалить довольно. Вспомните его слова о луне, которые я запомнил наизусть и привожу здесь. Вот они:

Бог знает, удовольствовался ли бы поэт или мечтатель природой мирного уголка. Эти господа, как известно, любят засматриваться на луну да слушать щелканье соловьев. Любят они луну-кокетку, которая бы наряжалась в полевые облака да сквозила таинственно через ветви дерев или сыпала бы снопы серебряных лучей в глаза своим поклонникам. А в этом краю никто и не знал, что за луна такая, все называли ее месяцем. Она как-то добродушно, во все глаза смотрела на деревни и поле и очень походила на медный вычищенный таз. Напрасно поэт стал бы глядеть восторженными глазами на нее: она так же бы простодушно глядела и на поэта, как круглолицая деревенская красавица глядит в ответ на страстные взгляды городского волокиты.

Все похвалы, высказанные мною «Сну Обломова», прошу отнести к первой его половине.

Вторая половина этого отрывка местами производит неприятное впечатление на читателя, потому что автор кое-где увлекается общественными взглядами прежней русской критики и пишет по рецепту, ею составленному. Тогдашняя критика все проповедовала практичность, строжайше предписывала молодым людям жить в мире действительности и избегать фантазии и мечты. Разумеется, все это справедливо, но тем не менее все это общие места, а с общими местами надо обращаться осторожно. Общие места имеют то странное свойство, что ежели вы их будете проповедовать с жаром, то непременно впадете в крайность и увлечете за собою ваших слушателей. Г. Гончаров тоже увлекся общими местами, вздумал приложить

их к русскому помещичьему быту. Он говорит, что нянюшка его героя, рассказывая мальчику сказки про жар-птицу и другие чудеса нашей народной поэзии, слишком сильно развила в нем фантазию, породила желание жить в сказочном мире и что это имело дурное влияние на последующую жизнь героя, который, привыкши в области сказочной фантазии, выступив на поприще действительной жизни, претерпел много разочарований и неприятных столкновений с жизнью. Вот как говорит автор об разочаровании, которое ожидало его маленького героя за порогом помещичьих хором.

Илья Ильич и увидит после, что просто устроен мир, что не встают мертвецы из могил, что великанов, как только они заведутся, тотчас же сажают в балаган, а разбойников в тюрьму; но если пропадает самая вера в призраки, то остается какой-то осадок страха и безотчетной тоски. Узнал Илья Ильич, что нет бед от чудовищ, а какие есть, едва знает, и на каждом шагу все ждет чего-то страшного и боится. И теперь еще, оставшись в темной комнате или увидя покойника, он затрепещет от злоеющей, в детстве зароненной в душу тоски; смеясь над страхами своими поутру, он опять бледнеет вечером.

Неужели все это говорится серьезно? неужели есть такие люди, которые терпят неприятные соприкосновения с действительной жизнью оттого, что прежде не знали, что мертвецы не могут вставать из гробов? Ежели такие люди существуют, то мне очень жаль, что им приходится испытывать такие горькие и ужасные разочарования.

Г. Дружинин, написавший две прекрасные повести: «Полинька Сакс» и «Рассказ Алексея Дмитриевича». Г. Дружинин с первых дебютов своих выказал большой талант и начал так, как начинают очень немногие. Произведения Г. Дружинина⁶ не имеют ничего общего с натуральной школой: в них нет ни дурных, ни хороших ее сторон; в них вы не встретите ни дагерротипного изображения русского быта, ни юмора, ни сатирических выходов; от лиц, в них действующих, вы не услышите фраз, вырванных из живой речи какого-нибудь сословия. Действующие лица г. Дружинина решительно лишены всякой внешней скульптурной отделки и внешней конкретности; их речь может быть легко переведена на любой европейский язык. Но все это нисколько не мешает им быть лицами типическими, живыми и художественными. Материал повестей г. Дружинина — душевный анализ. Г. Дружинин является в своих романах большим знатоком сердца человеческого; видно, что он много перечувствовал и много думал о чувствах. Он умеет подметить самые тонкие, самые прихотливые и едва заметные движения сердца человеческого, и на них-то основываются завязки и развязки его романов; из них состоят патетические сцены, которые так сильно действуют на читателей и, в особенности, на читательниц его произведений. Особенно замечательным свойством души г. Дружинина мне показалось тонкое понимание любви и дружбы, которое он высказал в романах, упомянутых нами выше; первому чувству посвящена «Полинька Сакс», второму — «Рассказы Алексея Дмитриевича».

В «Полиньке Сакс» автор изобразил несколько самых незаметных для простого глаза оттенков, которые может принимать прихотливое чувство любви. Он показал, и показал очень наглядно, что любовь иногда может являться под такими формами, под которыми трудно подозревать это чувство. Такое изображение любви представляет яркий контраст с тем грубым ее изображением, которое предлагают писатели-натуралисты... К недостаткам повести «Полинька Сакс» принадлежит

⁶ Я читал только «Полиньку Сакс» и «Рассказы Алексея Дмитриевича». Остальных произведений г. Дружинина я не читал, но не по равнодушию к его таланту, а потому, что вскоре после появления первых его произведений я перестал следить за русской журналистикой, отвлеченный от нее чтением газет (примеч. Алмазова).

местами не совсем выдержанное изображение характера героини, то есть самой Полиньки. Подчас она отпускает такие фразы, что можно подумать, что она просто-запросто пошлая дура, между тем как все остальные ее слова и поступки противоречат этому. Зато необыкновенно хорош герой романа — Константин — не помню по отчеству — Сакс. Сакс мне особенно нравится по идее, им представляемой... Он совсем не похож на всех остальных героев наших современных романов. С некоторого времени у нас завелась мода брать в герои романов людей разочарованных и духовно расслабленных, которым опротивела жизнь, которые целый день ничего не делают, всегда и везде скучают и потому для развлечения делают разные бесчестные поступки, состоящие по большей части в том, что они обманывают молодых девушек, всеми способами их увлекают, не чувствуя сами к ним никакой любви, из всех сил стараются влюбить их в себя и, когда достигают этой цели, — бросают их и на них не женятся. Пора литературе перестать выводить людей праздных и вызывать к ним сочувствие читателей. Надо помнить, что «праздность мать всех пороков»; эта истина, распространенная *прописями*, должна быть известна всем, кто учился каллиграфии, но у нас забыто это мудрое изречение, и теперь праздность считается не только не пороком, но признаком особенно высокого ума и хорошего тона. Умный человек не хочет теперь ничего делать потому, что труд существует не для него, а для людей дюжинных. Впрочем, не только труд, но и вообще жизнь создана только для людей *обыкновенных*: для очень умных людей она пустыня, в которой они не найдут осуществления своих идеалов; им нечего в ней делать.

Этих умных и праздношатающихся людей, делающих от нечего делать бог знает что, и берут в герои романов. К чему брать *таких* героев? Неужели и действительная жизнь ими только наполняется? Нет. У нас, благодаря бога, много людей честных, умных и образованных, которые занимаются делом, верят любви и несколько не скучают в сей жизни. К таким людям принадлежит и Сакс г. Дружинина. Это человек умный, честный, энергический, с увлечением занимающийся службою, стремящийся принести пользу ближнему и страстно любящий свою жену. У нас найдется много людей умных и образованных, которые хотя и верят в святость своих правил, но по недостатку энергии и вялости натуры никогда не осуществляют их в действительности и даже прямо противоречат им при малейшем соприкосновении с нею.

Эти господа или совсем не вступают в практическую жизнь (и тогда они хороши), а мыслят, лежа на боку, или, вступив в нее, пошло примиряются со всем, что в ней есть неразумного. Тогда они втягиваются в самые обветшалые формы жизни, несколько не изменяют и не улучшают их и живут гораздо неразумнее, чем люди совсем необразованные; они не теряют веры в свои правила и теории, но и не думают приложить их к жизни: их теоретическая и практическая жизнь совершенно противоречат одна другой, но несколько не мешают друг другу. Не таков Сакс; он старается осмыслить всю свою жизнь, все свои отношения, каждый свой шаг. Он ревностно занят поручениями по службе и занимается ею с любовью и увлечением. Он ценит образование не на одних словах, но глубоко чувствует и сознает его важность и необходимость и твердо стоит за него. Вот почему постоянно и тревожною его заботою является старание образовать и развить жену. Он глубоко любит искусство и сознает всю важность эстетического образования, но опять-таки он сознает это не на одних словах и потому всеми силами старается внушить жене своей любовь и понимание изящного. Вы видите, что взгляд его на женщину высоко-нравственный и вполне современный. Он не довольствуется тем, что она *миленькая* и что он к ней питает непосредственную любовь: ему хочется сделать их взаимные отношения более духовными и разумными. Многие очень умные и образованные

люди довольствуются тем, что жены их милы; они очень радуются всем их глупым фразам и выходкам и восхищаются их наивностью. Часто даже в глазах таких чудачков развитие и образование представляются вещами не только не нужными для женщины, но даже отнимающими у прекрасного пола его непосредственную прелесть и *шик*; они довольствуются тем, что чувствуют к женщине непосредственное стремление, хотя совершенно неразумное. Сакса, напротив того, раздражает всякая выходка жены, обличающая ее младенчествуем разум и запоздалое его развитие: всякая подобная выходка повергает его в *мучительное сомнение насчет ее способностей*.

Рядом с Саксом поставлен автором Галицкий, который тоже влюблен и тоже страдает. Но отчего же читатель не сочувствует ему, отчего ему не жаль видеть его страдания, отчего он принимает сторону Сакса? Оттого, что любовь Галицкого бледна в сравнении с любовью Сакса. Она не есть *неотразимая* страсть сильной природы, а прихоть чувствительного сердца праздного человека. Галицкий человек праздный, ничем не занятый и потому легко влюбляющийся. Сакс — человек занятый, трудящийся и серьезный; в людях такого рода не может жить какая-нибудь глупая любовь, которой человек предается от нечего делать; такая любовь рассеивается, как дым, при помощи труда и серьезных занятий. Соперником Сакса является чувствительный пастушок, не способный ни к какой серьезной деятельности, Молчалин в новом костюме, который влюбился от нечего делать и отнимает у Сакса его сокровище, сокровище, на которое Сакс имеет полное право. Страдания Сакса потрясают душу, страдания Галицкого смешны и досадны. И дорого поплатится Галицкий за свое соперничество. Его победа и его успех погубили и любимую им женщину, и его самого. Любовь, которую она к нему питала, оказалась не любовью, а чем-то вроде ее странной привязанности к собачке. Как была для него оскорбительна такая *безотчетная, непосредственная привязанность!*

Нашим писателям редко удавалось выводить героев, которые бы возбуждали такое сочувствие, как Сакс. Бывали у нас герои добродетели, но они почти все бесцветны и похожи больше на отвлеченные идеи, чем на живые лица. Исключение только за Чацким — этим умным, образованным, энергичным и благородным человеком. Но Чацкий — создание первоклассного художника... Желательно было, чтоб наши романисты почаще брали в герои хороших людей. Правда, у нас иногда выводят хороших людей, но хороших только в отношении сердца. Хорошие люди, выводимые нашими писателями, бывают или старики, едва движущиеся, или дураки, или невежды... А нам надобно умных и образованных молодых людей. Всем известно, что литература имеет сильное влияние на общество и новости и романы гораздо больше воспитывают людей, чем гувернеры и гувернантки. Это должны помнить так называемые писатели-беллетристы, желающие добра ближнему. Они должны также знать, что одних отрицательных примеров недостаточно для полного назидания читателя. В старину из биографий Плутарха учились добродетели; теперь ей учатся из повестей и романов, и это налагает на писателя священную обязанность быть осторожным.

В «*Рассказах Алексея Дмитриевича*» самое замечательное — характер Кости и дружба его с Алексеем Дмитриевичем. Изобразить пламенную дружбу между двумя детьми среди пансионской обстановки ново и оригинально. Что касается до характера Кости, то мы должны сознаться, что это одно из самых смелых, поразительно верных созданий фантазии поэта... Надо много богатства душевного, много нежности и мечтательности для того, чтобы ваша фантазия могла породить такие высокие типы, каков Костя, и такие тонкие отношения, какова его дружба с Алексеем Дмитриевичем. Многие находят, что это лицо неестественно; подобное

мнение, кажется, даже было высказано печатно. Не знаю... но мне случилось встречать и в действительности такие лица...

Роман «Рассказы Алексея Дмитриевича» в главных пунктах лучше «Полиньки Сакс», зато в нем есть места до того слабые, что когда читаешь их, то бывает совестно за автора. Такова, например, идеальная сцена у отца с дочерью, когда она, подобно Антигоне, с нежностью ведет под руку дряхлого родителя, который в это время с одушевлением рассказывает ей о походах и сражениях своей молодости. Это уж что-то напоминает чувствительные романы времен очень давних.

Г. Панаев, писатель с большим талантом, к сожалению, кажется, совсем иссякшим. *Прежние* его романы, повести, рассказы и очерки весьма замечательны. Нам очень приятно упомянуть лучшие из них, каковы: «Тля», «Актеон», «Петербургский фельетонист» и «Утро на Невском проспекте». Особенно хорош его «Петербургский фельетонист», по серьезному направлению и нравственной идее, которой он проникнут. В «Утре на Невском проспекте» наблюдательность и анализ физиологии петербургской жизни доведены до замечательной тонкости. Помните ли вы, например, человека, продающего собаку близ кондитерской Излера? Помните ли его обращение к молодому фертику-франту с *испорченными зубами*, который в ответ на его просьбу о подаче ему на водку говорит своему спутнику: «Qu'est ce qu'il veut de moi cet homme là?»⁷ — и, сказавши это, исчезает? Помните ли вы, как человек, продававший собаку, бормочет вслед молодому человеку: «свистун» — и потом, оставшись один и нюхая табак, со смехом повторяет себе: «ей-богу, свистун».

Хороша также «Барышня» г. Панаева: мне особенно в ней понравилась мать героини. Вывести простую русскую барыню, тоскующую в Петербурге по сельской жизни, зеленым полям и желтым нивам, между тем как ее дочка, получившая quasi-воспитание и говорящая по-французски, упивается безжизненным блеском балов и разоряет мужа, — дело смелое и благородное, заставляющее нас простить г. Панаеву много грехов. Таких трогательных мест нет в теперешних его произведениях: в них все толкуется о приятности столичной жизни, ее увеселеньях, нарядах и проч. Неужели г. Панаеву не возвратится прежний его талант? Неужели он не перестанет писать таких произведений, которые обличают в авторе одно странное и смешное поклонение «хорошему тону»?.. Эта черта показывалась иногда и в прежних произведениях г. Панаева. Так, в статье о *парижских увеселениях* он позволил себе выходку против русских нянек, которую так остроумно (хотя и мимоходом) осмеял г. Шевырев при разборе «Петербургского сборника». Не должно позволять себе выходок против этого достойного класса русских женщин, к числу которых принадлежит нянюшка Татьяны Пушкина. Каждый благовоспитанный человек должен благоговеть при имени няни, как при одном из лучших воспоминаний своего детства, как при одной из самых живых наших связей с чисто русской жизнью, с народными верованиями, преданьями и языком. В этом отношении мы должны брать пример с Пушкина...

Граф Саллогуб, написавший довольно большое количество прекрасных повестей из большого света. Некоторые из них, как, например, «Большой свет», отличаются серьезным направлением. Изо всех наших великосветских писателей (за исключением князя Одоевского) граф Саллогуб лучше всех знает большой свет. Но, к сожалению, он давно перестал писать.

Г. Григорович, который пользуется большой любовью и справедливым уважением публики. Самые лучшие его произведения: «Театральная карета»,

⁷ Чего хочет от меня этот человек? (франц.)

«Шарманцики», «Похождения Накатова»; в них он высказал большой талант и тонкую наблюдательность.

Г. Нестроев, написавший прекрасную повесть «*Без рассвета*», полную высокого драматизма и сцен истинно патетических. Все остальные его произведения несравненно ниже этой повести. Особенно мне не нравится его пресловутый «*Последний визит*». Герой этого рассказа — какой-то отвлеченный безукоризненно добродетельный человек, добродетельный до такой степени, что можно подумать, что он не пьет и не ест (что он не нюхает и не курит табаку — за это я отвечаю); героиня... но скажем вообще о героинях г. Нестроева. Они у него по большей части девушки, с малолетства жившие безвыходно в учебном заведении... и несчастливы. Несчастья их состоят в том, что, будучи воспитаны взаперти, привыкши глядеть с подругами на луну, обучившись разным гуманическим наукам, они возвращаются под родительский кров, где их не понимают... Тут начинается ужасная борьба и проч. Напрасно г. Нестроев берет для таких положений такие существа: они скорее лица комические, чем трагические. Когда они возвращаются под родительский кров, им действительно случается видеть вокруг себя прозу, которая им не по нутру, но столкновения их с этою прозою скорее смешны, чем ужасны. Живя безвыходно в стенах заведения, они составляют себе ложный идеал жизни, который никогда и нигде осуществиться не может, и потому по выходе из заведения идеала своего найти нигде и никогда не могут. Следствием этого бывает пошлое примирение с жизнью. Их тип очень справедливо и очень успешно осмеян в нашей литературе. Неестественная худоба, и впалость щек, и желтоватая бледность лица могли только нравиться во время оно... Впрочем мне жаль, что г. Нестроев давно ничего не печатает: талант у него есть без сомнения.

Гг. *Островский* и *Писемский*, о которых я умалчиваю вследствие их близости к «Москвитянину», где сам пишу. Я бы сказал про них очень много хорошего, но боюсь, чтобы меня не упрекнули в samaraderie⁸, которой я гнушаюсь... не могу не сказать, однако, двух слов о г. Островском, не в виде оценки его произведений, но в виде литературного известия. Г. Островский пишет еще комедию. Комедия эта будет новым доказательством, что г. Островский верен тому художественному направлению, которое он высказал в «*Сценах из купеческого быта*»⁹, в «*Свои люди — сочтемся!*» и в «*Бедной невесте*». Хорошо ли это направление? Этот вопрос разрешен различно.

Теперь попытаюсь исчислить наших стихотворцев.

Г. *Берг*, один из самых замечательных наших стихотворцев-переводчиков. Особенно замечательны его переводы славянской народной поэзии: они отличаются близостью к подлиннику, сохранением его колорита и духа и изяществом стиха — достоинствами, которые так редко сходятся вместе. Особенно хорошо перевел г. Берг сербскую эпопею «*Бан Страхинья*», которая будет напечатана в нашем журнале. Этот перевод останется навсегда приобретением русской литературы. Странно, что оригинальные стихотворения г. Берга по большей части слабы; исключение остается за немногими. Тот же самый г. Берг, стих которого так легок, изящен и поэтичен в переводах, очень часто предлагал читателям собственные стихотворения, полные неловких оборотов и прозаических выражений. Совсем другое г. Берг как прозаик. Нам довелось недавно слышать его рассказ «*Город и деревня*» (который тоже будет помещен в «Москвитянине»). Рассказ этот дышит такою свежестью, проникнут таким нравственным чувством, что непременно должен пристыдить

⁸ Здесь — пристрастие (франц.).

⁹ Они были напечатаны в «Московском городском листке» и не замечены критикой, которая тогда смотрела по сторонам (примеч. Алмазова).

многих наших писателей натуралистов и сатириков. Живость лиц, в нем выведенных, поразительна.

Г. Щербина, художник-изобразитель античного мира. Г. Щербина называет свои стихотворения греческими, но это название не совершенно идет к ним. Хотя эллинский тон и манера всегда выдержаны в стихотворениях г. Щербины, но довольно часто от них веет «новым» духом. В них проглядывает взгляд на древний мир такого человека, который знаком с мнениями новейших ученых о классической древности, мнениями, хотя и верными, но тем не менее новыми, мнениями, до которых античный человек никогда бы не мог прийти. Стихотворения г. Щербины по духу своему напоминают поэзию Андре Шенье, которая представляет смесь античного с новым.

Критика наша была несправедлива к г. Щербине и поставила его недовольно высоко. Что касается до меня, то я вижу в г. Щербине необыкновенно замечательный талант и очень серьезное направление. Стих г. Щербины необыкновенно блестящ и изобразителен; в отношении изобразительности и яркости красок у него теперь нет соперников; произведения его всегда целы, закончены, закруглены и — что, по моему мнению, самое главное — всегда представляют определенное содержание и осязательно ясную мысль. Вследствие последнего обстоятельства их можно назвать умными, дельными и определенными, в отличие от тех неопределенных и неясных стихотворений наших поэтов, которые выражают *что-то*. — Г. Щербина необыкновенно богат на выражения. Он сыплет такую щедрою рукою поэтические обороты, что каждую минуту боишься за него, что он их все издержит. Эта роскошь поэтических выражений имеет свою дурную сторону: г. Щербина часто слишком рядит свои произведения и употребляет иногда больше слов, чем нужно для выражения мысли¹⁰.

Г. Мей, к сожалению, пишущий очень мало; но так как я сужу о писателях не по количеству ими написанного, а по качеству их произведений (*non multa, sed multum!*¹¹), — то полагаю, что четыре превосходные стихотворения г. Мейя — «Хозяин», «Подражание восточному», «Русалка» и «Картины древнего мира» — дают полное право их автору на почетное место между русскими современными стихотворцами. Стихотворения «Подражание восточному», «Картины древнего мира» и «Хозяин» так хороши, что я против них и сказать ничего не имею. Стих г. Мейя представляет безукоризненную правильность и гладкость; он легок и свободен; тайну его механизма г. Мей постиг совершенно. По всему видно, что г. Мей глубоко изучал русских первоклассных стихотворцев, и по стихам его заметно, что он умел воспользоваться всем, что в каждом из них есть замечательного в отношении механизма стиха и строения строфы. — Стихи г. Мейя отличаются необыкновенным благородством тона: они поражают решительным отсутствием двух эпидемических болезней, замечаемых в современных стихотворениях — *шика* и *ухарства*. Под шиком я разумею непомерную страсть употреблять в стихах иностранные слова, преимущественно итальянские. Когда, например, идет дело об Италии, то наши стихотворцы, желая придать своим стихотворениям местный колорит, сыплют итальянскими названиями, которые у них между собою рифмуют. Так, например, у них поминутно встречаются *lazaroni* и *macaroni*, *Ferrara* и *Dulcamara*¹² и т. д. Многие воображают, что стоит только усыпать свое стихотворение итальянскими словами, — и оно будет *дышать* Италией. Пушкин не прибегал к таким средствам для того, чтобы дать местный колорит своим произведениям; его «Египетские ночи» дышат

¹⁰ О г. Щербине у меня еще говорится в характеристике г. Майкова (*примеч. Алмазова*).

¹¹ Не количество, а качество (*лат.*).

¹² Лацарони, макароны, Феррара, паслен (*итал.*).

Египтом, несмотря на то, что в них не употреблено ни одного египетского слова. *Ухарство* в стихах есть употребление извоощичьих и других тривияльных выражений, ошибочно принимаемых за выражение русского народного духа. Так, некоторые стихотворцы, желая придать своим стихам колорит русской народности, беспощадно сыплют слова следующего рода: *черт возьми, черт побери, молодецки, ух, свинья, подлец, дурак, кутеж* и проч. Ничего подобного нет у г. Мея; язык его настоящий русский, потому что нисколько не тривияльный.

Не могу удержаться, чтоб не сделать замечания на стихотворение «*Русалка*». В нем слишком много изысканных выражений, слишком много лишних нарядов. В этом стихотворении г. Мей далеко превзошел и г. Щербину в изысканности поэтических оборотов.

Г. Майков, который, несмотря на то, что самый блестящий период его деятельности принадлежит тому времени, когда натуральная школа была в апогее своей свирепости, цвета и могущества, — не был заражен этой литературной эпидемией и высказал в своих произведениях ясный, целомудренный взгляд на искусство. Между тем как повсюду вокруг него воздвигались жертвенники литературному Ваалу, на которых нечистыми руками приносились нечистые жертвы, г. Майков был из числа тех немногих, которые идолу сему не жертвовали. — Главный род произведений г. Майкова — стихотворения в античном духе. В этих стихотворениях г. Майков является вполне античным поэтом. В стихотворениях Андре Шенье и г. Щербины мы видим людей, у которых и мирозозерцание, и чувство очень похожи на древних, но все-таки в то же время чувствуем, — что древние так писать не могли. Напротив того, стихотворения г. Майкова представляются подстрочным переводом с греческого или латинского. Вышеупомянутую черту поэзии г. Щербины мы привели не в виде упрёка. Смесь нового с античным в поэзии не есть недостаток, это только особенный род ее. Таковую смесь представляет одно из величайших (разумеется, не по величине) произведений Шиллера «*Торжество победителей*»; да и сам Гете, несмотря на свое *объективное* спокойствие, частенько изменял античному духу в своих произведениях на манер древних. Главная характеристическая черта поэзии г. Майкова, делающая его произведения вполне античными — совершенное отсутствие *наружного* блеска, совершенная простота формы — младенческая наивность. Произведения г. Майкова до того просты и неизысканны по форме, что с первого раза они не бросаются в глаза и даже не нравятся; только пристально вчитавшись в них и проникнувшись ими, вы получите от них наслаждение (зато какое наслаждение!). Причина, отчего произведения г. Майкова нравятся не скоро, не вдруг, заключается в отдаленности от нас античного мира, который они воспроизводят. Из произведений его, по простоте своей приближающихся больше всех других к античным, я могу назвать «*Кубок*» и «*Анакреон*».

Огарев, к которому больше всех идет название поэта. В его стихах истинно поэтическое созерцание: он лирик. Он не поэт-живописец, не поэт-археолог, не поэт-мыслитель, но поэт мечты и чувства — *певец*, как говаривали в старину. Слово певец очень хорошо идет к Огареву как к поэту. Содержание его поэзии по большей части песенное, ибо мечта и чувство больше всего идут к песне; все остальное — описание, рассуждение и прочее, поется очень неудобно. В стихах Огарева много нежности, много ненапущенной, естественной задумчивости и мечтательности, много чувствительности.

Г. Фет, о котором я бы мог сказать очень много хорошего, если б в «Отечественных записках» 1850 года не была напечатана очень хорошая статья об его поэзии, статья, вполне ее охарактеризировавшая, так что мне ничего не остается сказать о г. Фете.

Г. Полонский, о котором мне представится случай скоро говорить подробно.

Г. Некрасов, написавший два-три энергические стихотворения. Стихотворения г. Некрасова представляют совершенный контраст с стихотворениями Огарева; трудно найти стихотворца, который бы был меньше поэт, чем г. Некрасов. Но, несмотря на это, в г. Некрасове никак нельзя отрицать стихотворческого таланта. Оттого именно и удивляешься стихотворческому таланту г. Некрасова, что содержание его стихотворений самое непоэтическое и часто даже антипоэтическое. Читая его стихотворение, изумляешься, каким образом автор ухитрился вколотить в стихотворческую форму ultra-прозаическое содержание... Но есть у г. Некрасова два стихотворения, истинно поэтические: «Когда из мрака заблужденья...» и «Если мучимый страстью мятежной...». Стихотворение «Когда из мрака заблужденья...» просто превосходно...

Многим очень нравится «Огородник» г. Некрасова. Но «Огородник», равно как и «Еду ли ночью по улице темной...», производит слишком неприятное впечатление. Ибо в том и другом стихотворении выражаются не нормальные, уродливые явления жизни, которых должно избегать в поэзии. — Г. Некрасов — талант неглубокий и недолговечный. Справедливость требует заметить, что стихотворения г. Некрасова совершенно оригинальны; он решительно никому не подражает, особенно в своих шуточных произведениях. Правда, его оригинальность слишком часто переходит в дикость, но ведь и дикость — своего рода оригинальность.

Хомяков. Сей остальной из стаи спутников славной звезды Пушкина. Содержание поэзии Хомякова патриотическое — это торжественная ода. Таковы его стихотворения «Россия», «Англия», «Мы род избранный» и многие другие. Стихотворения его проникнуты благородством чувств и национальною гордостью; стих его величествен, рельефен, так сказать, до массивности, язык часто принимает склад истинно библейский (что мы, кроме Пушкина, находим еще только у Языкова).

Хомякову и Языкову не посчастливилось в современной нашей литературе. Правда, они оба заняли почетные места между русскими поэтами, но это еще было при жизни Пушкина. Вскоре после его смерти в литературе последовала проscriпция всех русских писателей; это была новая эра в литературе. Все писатели, писавшие до *разоренья*, признаны не доставляющими эстетического наслаждения. Такой приговор был произнесен и над Языковым и Хомяковым. Их литературный процесс так интересен, что я считаю нелишним рассказать его здесь вкратце моим читателям, чтоб они могли составить себе хоть маленькое понятие о том ужасном времени, когда казнили литературные авторитеты. Слушайте!.. Я буду краток...

В 1844 г. от Р. Х. и, стало быть, в 2596 от основания Рима напечатаны в Москве две небольшие красивенькие книжечки: одна с стихотворениями Хомякова, другая с стихотворениями Языкова. В «Отечественных записках», в самом модном тогдашнем журнале отозвались о них очень умеренно. Их судили с исторической точки зрения и потому решили, что хотя эти стихотворения плохи, но для своего времени были недурны. Дело бы кончилось довольно мирно и тихо, но на беду «Москвитянин», недовольный отзывом «Отечественных записок» о Хомякове и Языкове, вступился за московских поэтов. Тогда-то «Отечественные записки» озлобились на них. Против них было напечатано большое количество страниц мелкой печати и неприличной брани. Досталось же тогда порядком Хомякову и Языкову; их раскрытиковали совершенно, и даже мимоходом для благоустройства задела и Пушкина — разбрали его послание к Языкову¹³, напечатанное в первый раз в «Московском

¹³ Замечательно, как разбрали все это послание. Пушкин, восторгаясь посланием к нему Языкова, восклицает: «какое буйство молодое!» Критик смеется над словом «буйство» и говорит, что

вестнике». В статье этой объяснена причина, почему «Отечественные записки» так вооружились против Хомякова и Языкова. Почему вы думаете? Догадайтесь!.. Верно не догадаетесь! Вот почему: «Отечественные записки» сперва было обошлись довольно учтиво и ласково с произведениями Хомякова и Языкова, но так как «Москвитянин» был недоволен их умеренным отзывом и находил его несправедливым, то за это «Отечественные записки» решились разбранить стихотворения Хомякова и Языкова что есть силы. Вот какие причины действовали тогда в критике, и их не думали скрывать, полагая, что это ничего... Любопытно, какие придирки употребляли «Отечественные записки», чтоб «доехать» Хомякова. У него, например, сказано в одном стихотворении:

Лови минуты вдохновенья,
Восторгов чашу жадно пей!

Критика спрашивает: что хотел этим сказать поэт? Ежели он советует — говорит она — дорожить минутами вдохновенья, то это мысль слишком старая; ежели же слово *ловить* употреблено в смысле *гоняться* за вдохновением, то это бесполезный совет, ибо вдохновения насильно не поймашь — оно приходит само.

В другой статье «Отечественных записок» таким же способом разбирается и «Россия» Хомякова. Всем известно, что в этом превосходном стихотворении поэт говорит, что крепость и могущество нашего отечества заключается в его духовной, а не материальной силе, что в материальном отношении Рим был сильнее его, но пал, что могущество татар сокрушилось и что Англию не спасет ее золото. Рецензенту показалось смешно предсказание Хомякова Англии. Он говорит, что стихотворение, где поэт предсказывает ей падение, написано уж десять лет тому назад, а владычица морей все еще здравствует. Слышите ли, читатели?! Какова Англия! Простояла десять лет! Вот это крепость, так крепость! Любезный господин рецензент! десятки лет в истории ничего не значат — в ней ничто и сотни. Вы верно не удивите Хомякова известием, что Англия 10 лет спустя после его стихотворения осталась жива. Рим стоял более тысячи лет, да все-таки не удивил его своей крепостью... Дело в том, что рецензент решительно не способен к такого рода соображениям... Написать забавную статью на книгу вроде романа г. Кузмичева, посмеяться над неопрятным изданием — он может, но толковать о судьбах народов и царств он не в состоянии. Чем толковать о том, что Хомяков не разрушил своим стихотворением Англию, пусть лучше рецензент мне объяснит следующее обстоятельство. Петербургские журналы во время оно громили без пощады Хомякова и многих других заслуженных русских литераторов. Глумлению над ними не было и конца. Толпа была на стороне этих журналов и была очень довольна дешевыми остротами своих услужливых писателей, а журналы, в свою очередь, радовались, что услужили большинству читающей публики и что совершенно уничтожили в глазах ее когда-то знаменитых, но уже «устаревших» писателей. Они торжествовали свою победу, громко трубили о ней и веселились... И что же?!.. протекли годы, и сами эти журналы устарели и подверглись осмеянию. Из идей, так смело ими пущенных в ход, одни оказались очевидно ложными даже и для них самих, другие устарели и сделались общими местами. Нового эти журналы уже выдумать ничего не могут и потому бормочут себе под нос старые истины вроде тех, что снег бывает зимой и что человек смертен. А между тем писатели, ими осмеянные и признанные устаревшими, все еще полны свежих сил, все развиваются, все идут вперед, все яснее и яснее

«буйство — такая добродетель, за которую сажают в тюрьму» и что хвалить его нечего (примеч. Алмазова).

сознают свое направление. Около них сформировались группы молодых писателей, воспитанных ими, к ним присоединились молодые люди, прежде по отроческим увлечениям или просто из шалости державшие сторону их противников, но обращенные на путь истины наукой и размышлением, — и теперь больше, чем когда-либо, мы вправе ожидать от «устарелых» писателей прекрасной, полезной и благородной деятельности.

Вы видите, что я с особенною любовью отзываюсь о поэтах, что, говоря о них, я даже разнежничался: это потому, что я питаю страсть к поэтам; поэты — это единственная моя слабость. Я ужасно их люблю и уважаю; уважаю несравненно более, чем прозаиков. Быть порядочным прозаиком очень нетрудно, особенно в последнее время. Для того чтобы быть хотя сносным поэтом, нужно иметь непременно талант. Чтоб быть повествователем, иногда бывает довольно или большого образования, или сильного самолюбия, или трудолюбия, или непомерного корыстолюбия. Достаточно одного из подобных условий, в настоящее время, чтоб прослыть за хорошего романиста; особенно способствуют к этому светское образование, хорошие манеры... Но стихотворцу ничего этого не довольно для того, чтобы быть хорошим стихотворцем. Владеть стихом не безделица. *Стих* точно такое же необходимое условие для поэта, как голос для певца. Какое бы огромное музыкальное образование ни получил певец, как бы он ни был умен, трудолюбив и корыстолюбив, но ежели у него нет голоса, то он, несмотря на все эти прекрасные качества, будет реветь козлом, но не более. — Счастлив человек, одаренный стихом и согретый пламенем поэзии! Стократ счастлив! Ему не нужен ни запас книг, ни ученые комментарии, он имеет полное право воскликнуть: *«omnia mea tecum porto»!*¹⁴ Люблю поэтов, ибо я и сам немножко поэт. Дети Аполлона! мужайтесь. Грянем дружно на врагов наших и воскликнем вместе с Языковым:

Прочь с презренною толпою!
Цыц! схоластики, молчать!
Вам ли с черствою душою
Жар поэзии понять?

В *разном роде* у нас пишут:

Г. Боткин, которому мы желаем как можно скорее отправиться в Испанию или хоть какую-нибудь другую иностранную землю и писать оттуда свои занимательные письма. Говорят, что письма Боткина об Испании не совсем оригинальны. Не знаем: пусть судят об этом люди специально знакомые с тем, что писано об Испании. Мне они очень нравятся, потому что написаны грациозно. Г. Боткин пописывает также о музыке...

«*Сто один*», представивший публике «*Кукольную комедию*» и «*Превращение*», писал также и рассуждения, которые были бы не дурны, если б в них было побольше сердца... Лучшая из его статей — рассуждение о Викторе Гюго. Повести его — жалкое подражание г. Нестроеву.

Новый Поэт — мой милый и великодушный противник. Пора мне, наконец, сказать о нем мое искреннее мнение. Я не разделяю мнений Нового Поэта, преследовал, преследую и буду преследовать, сколько достанет у меня сил и времени, его принципы. Его взгляд на литературу слишком легок, на жизнь — слишком весел;

¹⁴ Все свое ношу с собой (лат.).

фельетоны его преисполнены пересыпания из пустого в порожнее, ненужной болтовни: но, невзирая на все это, в Новом Поэте есть много прекрасных черт, за которые я очень его уважаю. Во-первых, он человек благовоспитанный, а потому в фельетонах своих никогда не позволяет себе неприличной брани. В этом отношении он представляет прямую противоположность с рецензентом «Отечественных» записок», разбирающим наш журнал. Во-вторых, он добросовестен и потому никогда не взводит небылиц и напраслин на своих противников, не делает из их статей выписок таких мест, которых в них нет, на что такой мастер рецензент одного журнала. В-третьих, в нем не заметно того озлобления ко всему молодому: озлобления, происходящего от чувства собственного бессилия, слабости и отсталости. В-четвертых, он беспристрастен. Ему нет дела, кто сотрудник, кто не сотрудник его журнала: он слегка пишет обо всех свое мнение, по большей части ошибочное, но добросовестное. В-пятых, в нем, как вообще в «Современнике», заметно отсутствие меркантильного духа и тривиальных целей: напротив, в нем видна крайняя беспечность и какое-то неряшество, которое мне нравится по странности моего характера. Еще больше люблю я другого моего противника, Иногородного Подписчика.

Иногородный Подписчик — человек очень образованный и даровитый, но в высшей степени эксцентричен и капризен, как пансионерка. Впрочем, по характеру своему он скорее похож на Нерона, чем на пансионерку... или нет, просто на пансионерку... Ему вдруг вздумается отзываться с презрением и свысока о первоклассных писателях, а то вдруг начинает превозносить до небес посредственность. В этом отношении он мне очень напоминает Полиньку Сакс, которая до того привязана к собаке, что зовет ее своим собственным именем и готова забыть для нее мужа. Капризы иногородного поэта подчас очень милы и грациозны, но он им чересчур дает волю, и, что хуже всего, он подчас даже капризничает по заказу, и это производит дурное впечатление на читателя. Нехорошо еще то, что капризы свои он вносит в суждение о таком важном предмете, как литература...

Иногородный Подписчик хорош еще тем, что он, равно как и Новый Поэт, не придирается к опечаткам. Это особенно приятно мне, ибо я очень плохо держу корректуру. Слог Иногородного Подписчика как-то тяжеловат и вычурен. В нем нет легкости, легучести и неподдельной небрежности, которые необходимы для фельетона. Небрежность и даже веселость Иногородного Подписчика искусственны. В этом отношении Новый Поэт — образец фельетониста: веселее и небрежнее его невозможно и быть.

Вот те из наших писателей, о которых я мог вспомнить. О дамах-писательницах я не упоминаю. Отчего? — спросите вы; не смею сказать, право, не смею сказать... Я вооружен против дам-писательниц... Я знаю, что меня за это вооружение побьют камнями наши дамские угодники, которых всегда и везде такое множество... Я знаю, что у нас есть дамы-писательницы с большим дарованием; знаю, что некоторые из наших дам пишут гораздо лучше многих наших кавалеров... Но, право, мне кажется, что это не их дело... Женщина должна быть образованна; чем больше она образованна, тем лучше; она должна следить за литературой и наукой, но не должна писать, точно так же, как не должна поступать в военную службу и ездить на мужском седле. Образование свое женщина должна употребить для своего семейства. Она должна быть первым и лучшим учителем своих детей... Если б матери были образованнее, педагогия пошла бы совсем другим путем... Итак, женщина должна себя образовать для пользы семейства, а не для увеселения публики... Может быть, это только мое личное мнение; в таком случае прошу меня простить, как эксцентрика... Женщина должна... но довольно!

Давно уже я ничего не печатал! Вот уж, кажется, больше девяти месяцев, как вселенная ждет от меня хоть одной строчки, жаждет знать, какое слово произнесу я о последних происшествиях, случившихся в нашей литературе в моем отсутствии. Посмотрим, что без меня наделала наша литература?

Г. Галахов для удивления всей Европы напечатал статью о Кострове; Европа так поражена, что молчит в недоумении.

Г. Булгарин объявил в одном из своих фельетонов в аллегорической форме, что он чуть не скончался. Надо было видеть, что делалось с читателями, когда они пробегали те строки, где г. Булгарин пишет о своей несостоявшейся кончине. Все единогласно воскликнули: «О, что бы тогда было с русской литературой!»

Г. Краевский объявлен сотрудником «Санкт-Петербургских ведомостей», — и вот уже около девяти месяцев мы ждем с нетерпением его статей. Не известно только, о чем будет писать этот заслуженный литератор — об истории ли, о литературе ли, о театре ли, вообще ли об искусстве. Любопытно узнать его взгляд на искусства... я думаю, в нем много оригинального¹⁵.

Вышло сочинение г-жи Тур — «Племянница», роман «отменно-длинный, длинный, длинный» — в четырех частях довольно компактного издания. Я его не имел времени прочесть сам, потому что постоянно занимаюсь китайскими древностями, а свободное время от занятий этим предметом посвящаю чтению только самых замечательных явлений русской литературы. Вот отчего я не читал «Племянницы», которая длиннотой своей надолго отвлекла бы меня от занятий древним Китаем. Впрочем, я отчасти знаю этот роман по отрывку, помещенному в «Комете» и названному «Антонина». Отрывок этот прекрасен и произвел на меня очень сильное впечатление. Видно, что автор много перечувствовал, много страдал и много думал о том, что видел.

Вышла вторая книжка «ПроPILEЕВ»; она еще интереснее первой. С большим наслаждением прочел я статьи самого издателя — «Мифическая Греция» и «Мифическая Италия». Вот истинно живой взгляд на науку! Как много значит почувствовать ту эпоху, о которой говоришь! Как легко тогда заставить сочувствовать других своему предмету! Тогда не нужно прибегать к напыщенным фразам, ни к притворному пафосу — и простое, благородное изложение гораздо сильнее подействует на благомыслящего читателя, чем все возможные риторические кунст-штюки. — Хороша также статья г. Кудрявцева «О римских женщинах», жаль только, что автор употребляет слишком много цветов красноречия. Это заставляет думать, что г. Кудрявцев мало надеется на свой предмет и боится, что большинство читателей не заинтересуется историческими фактами, ежели их не нарядишь и не навешаешь на них тропов и фигур. Поймите, господа, что популярность изложения не в слоге! Она обуславливается складом ума писателя, взглядом его на вещи; сильно не сделаешься популярным: популярность есть талант, не приобретаемый ни ученостью, ни светскостью и ничем. Чтобы писать популярно, надо популярно мыслить, то есть так, как мыслят люди *простые*, а для этого нужно жить одними интересами *со всеми*, быть между людьми не отверженцем, а живым членом общества. Мне верно возразят, что хороший писатель всегда выше толпы, что он ее поучает, следовательно, ум его не может стоять в уровень с ее умом. В том-то и штука, господа, что великие писатели были и выше толпы, и в то же время шли об руку

¹⁵ Любопытно, что в одной из прошлогодних книжек «Revue des deux Mondes» г. Краевский назван «critique érudit» <ученый критик — франц. (ред.)>. Как иностранцы хорошо знают Россию! (примеч. Алмазова).

с нею... спрашивается: как же совместить в себе эти два условия? Ответ прост: надо родиться гением! Разумеется, я не требую, чтоб все писатели были гениями, но советую им не *стараться* быть популярными, а писать просто, не мудрствуя лукаво...

Статья г. Тихоновича о римлянках составлена прекрасно. Дело изложено просто, ясно, живо, отчетливо, без претензий на высшие взгляды, без мрачных мыслей, без трагических выходов и романических затей.

Итак, вы видите, что я совсем не так злобно смотрю на русскую литературу и русских литераторов; вы видите, что я к ним скорее слаб, чем строг. Может быть, меня даже упрекнули, что я не упомянул о некоторых очень важных недостатках писателей натуральной школы. Но этого я не сделал потому, что на этот раз хотел только ограничиться указанием на хорошие стороны наших писателей; говорить же об их недостатках мне надоело. Ну, что вы теперь скажете обо мне, почтенные мои обвинители, противники, клеветники и недоброжелатели? Вы меня обвиняли в злобе, в презрении к русской литературе и проч., но вы видите, что я горячо люблю русскую литературу и ее деятелей, и ежели слишком горячо восстаю против них, то не от чего другого, как от чрезмерной любви к ним. Так нежный отец негодует на своего сына за его проступки, но в то же время страстно любит его. Еще раз скажу; может быть, я даже слишком снисходительно отозвался о некоторых из наших писателей, может быть, некоторых из них похвалил неумеренно и таким образом изменил своему катоновскому характеру, но это произошло оттого, что я как-то все это время в необыкновенно хорошем расположении духа... Весна в полном цвете, воздух приятно раздражает нервы. На душе у меня так полно... Я так счастлив... Право, мне теперь не хочется браниться и вести полемику... мне хочется любить, а не ссориться и враждовать.

Эраст Благодравов

Москва
29 мая 1852 года

Б. Н. Алмазов

Наблюдения Эраста Благодногова над русской литературой и журналистикой

Впервые: М. 1852. № 17. Отд. VIII. С. 1–28. Без подписи. Цензурное разрешение — 01.09.1852.
Цензор Д. С. Ржевский.

Переизд.: Алмазов. Т. 3; Тимашова (в сокращении).

Статья Алмазова — последнее его выступление в печати под псевдонимом Эраст Благодногов, вышедшее почти через год после предыдущего. Ее отличия от более ранних фельетонов Алмазова значительны. Алмазов резко снизил степень условности литературной маски: большая часть суждений Эраста Благодногова выглядит совершенно серьезно, а дистанция между создателем статьи и маской сводится, за редкими исключениями, к экстравагантным формулировкам. Алмазов

при этом сознательно стремится отойти от всецело сатирического подхода к современной литературе и обратиться к разбору самых сильных ее сторон и наиболее выдающихся, с его точки зрения, писателей. Более серьезная установка приводит к тому, что свободно говорить о соотрудниках «Москвитянина» автор статьи уже не мог: из уст «нового» Эраста Благодного такие похвалы воспринимались бы как безудержное самохвалство журнала. По этой причине Алмазов принимает новую установку: «...я умалчиваю вследствие их близости к “Москвитянину”, где сам пишу» (наст. изд., с. 263). Остальных своих современников автор статьи стремится рассмотреть исчерпывающе, исключая из разбора по преимуществу авторов, уже рассмотренных в статье Григорьева «Русская литература в 1851 году». Литературная полемика Эраста Благодного становится более сдержанной, но и более принципиальной, по сравнению с ранними статьями Алмазова. Критик не пытается полемически заострить позиции своих оппонентов и спорит с ними по преимуществу «всерьез». В своей статье Алмазов, в частности, очень резко осуждает Белинского. При этом его полемика преимущественно основана либо на подтасовках реальных фактов (см. ниже, с. 700–701), либо на намеренном непонимании слов оппонента: «Вы верно не удивите Хомякова известием, что Англия 10 лет спустя после его стихотворения осталась жива» (наст. изд., с. 267), — пишет Алмазов, хотя и Хомяков в стихотворении «Остров», и Белинский, разбирающий это стихотворение, имели в виду отнюдь не физическое существование Англии как государства.

Такой подход к литературе оборачивается некоторой вторичностью и эстетическим консерватизмом, видимо, не вполне осознаваемым самим автором. Во-первых, суждения Алмазова, по сравнению с его ранними статьями, не вполне оригинальны. Значительная часть его положений явно пересекается с «Русской литературой в 1851 году» Григорьева (см. коммент. к тексту статьи Алмазова ниже). Во-вторых, говоря всерьез, Алмазов становится крайне догматичен, а его эстетические нормы начинают выглядеть необычайно архаично. В особенности это заметно при оценке поэтических сочинений, похвалы которым Алмазова основаны на наборе критериев, скорее напоминающих нормативную поэтику XVIII в. Так, говоря о сочинениях Щербины, Алмазов просто перечисляет их достоинства, не пытаясь сформировать какую-либо систему или дать представление об оригинальности его творчества: «Стих г. Щербины необыкновенно блестящ и изобразителен; в отношении изобразительности и яркости красок у него теперь нет соперников; произведения его всегда целы, закончены, закруглены и — что, по моему мнению, самое главное — всегда представляют определенное содержание и осязательно ясную мысль» (наст. изд., с. 264). Одно из главных достоинств сочинений Мея, по Алмазову, — удачное подражание образцам: «...г. Мей глубоко изучал русских первоклассных стихотворцев...» (там же). Вопреки своим установкам, Алмазов искал в поэзии современников не высшую «объективность», а умение следовать определенным нормам литературного языка. Само понятие «поэт» у Алмазова определяется через оппозицию «стихотворцу», который не наделен высшим вдохновением. На этом основании критик делает вывод: «...трудно найти стихотворца, который бы был меньше поэт, чем г. Некрасов» (наст. изд., с. 266). В качестве темы стихотворений Алмазов требует не выбирать «ненормальные, уродливые явления жизни» (там же), что также связано с доромантической эстетикой, основанной на подражание «изящной природе». Такой нормативный подход к литературе определяется представлением Алмазова, что «литература имеет сильное влияние на общество и новости и романы гораздо больше воспитывают людей, чем гувернеры и гувернантки» (с. 261). В целом, эта идея объединяла всех представителей «молодой редакции» (ср., например, в наст. изд. статью Эдельсона «Несколько слов о современном состоянии и значении у нас эстетической критики»), однако Алмазов трактует ее более упрощенно: в его понимании литература действительно уподобляется средству воспитания. Вероятно, эта теория Алмазова восходит к упрощенным идеям Шиллера. Так, значимая для критика формулировка: «...великие писатели были и выше толпы и в то же время шли об руку с нею...» (с. 270), возможно, восходит к фрагменту из «Писем об эстетическом воспитании» Шиллера в переводе Шевырева: «Живи с твоим веком, но не будь его созданием; сотвори современникам то, в чем они нуждаются, а не то, что хвалят...» (Шевырев С. П. Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. М., 1836. С. 284). Наконец, на фоне критики 1850-х гг. странным парадоксом звучит утверждение Алмазова: «Образование свое женщина должна употребить для своего семейства» (с. 270), на основании которого критик фактически отказывает женщинам-писательницам в праве на существование. Корректировать многие из этих спорных выводов вынужден был Григорьев, в статье «Русская изящная литература в 1852 году» разобравший некоторых поэтов, о которых писал Алмазов, в другом духе. В свою очередь, Алмазов более не пользовался маской Эраста Благодного и не выступал в качестве фельетониста.

Последняя статья Эраста Благодного не вызвала столь бурной полемики, как предыдущая. В «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась «Заметка» (подпись: И. М.), по преимуществу посвященная разбору его фельетона. Прочитав некоторые его фрагменты, автор утверждал: «Во-первых, мы заметим Эрасту Благодному, что он крайне ошибается, предполагая, что

журналы и читатели могут придать статьям его какое-либо иное значение, кроме неожиданности, диковинки, что они будто бы заинтересовались ими. Если журналы указывали на них, то указывали точно так же, как указывали на "Жезл правоты" г. Анаевского и "Мальчика, воспевшего в лесах Тергуля", сочинение того же автора, и если о важности значения и интересе литературного произведения судить по количеству сделанных из него выписок и отпущенных на его счет острот, то произведениям г. Анаевского и Эраста Благонравова должна быть дана пальма первенства в ряду наших современных произведений» (СПбВед. 1852. № 217. 28 сент.). На эту статью, в свою очередь, издательски ответил Булгарин, в своем фельетоне «Журнальная всякая всячина» пересказавший отзыв «Санкт-Петербургских ведомостей» и охарактеризовавший его как безграмотный (см.: СевПчел. 1852. № 227. 11 окт.). Впрочем, своего мнения о статье Алмазова Булгарин не высказал. С развернутым отзывом выступил Дружинин, высоко оценивший «пламенное сочувствие к отечественной словесности» (наст. изд., с. 272) и справедливо считавший статью проявлением позиции, характерной для всей «молодой редакции» в целом. Высоко оценивая фельетонные дарования Эраста Благонравова, Дружинин прочитал статью Алмазова под своим углом зрения: Эраст Благонравов хотел не сделаться идеальным фельетонистом, а высмеять саму фигуру литературного фельетониста, наподобие Нового Поэта или Иногородного Подписчика.

С. 254. *Осмеянный «Современником» ~ оклеветанный «Отечественными записками»...* — Об ответах Панаева и анонимного критика «Отечественных записок» см. коммент. к статье Алмазова «Сон по случаю одной комедии. Предупреждение» (наст. изд., с. 605). «Санкт-Петербургские ведомости» выступили против статьи «Стихотворения Эраста Благонравова» (см. наст. изд., с. 638). В «Библиотеке для чтения» помещен ответ Дружинина на «Стихотворения Эраста Благонравова» (см. наст. изд., с. 210–211).

С. 254. *...«фельетонист, состоящий при молодой редакции»...* — Отсылка к словам Панаева: «Молодая редакция имеет своего фельетониста в лице г. Эраста Благонравова...» (С. 1851. № 5. Отд. VI. С. 52).

С. 254. *Се старый Бульба, отправляющийся в Сечь после многолетней праздной жизни!* — Отсылка к повести Гоголя «Тарас Бульба» (1835).

С. 254. *Се Цинциннат, возвращающийся от плуга к жизни государственной!!!* — Отсылка к знаменитому эпизоду из древнеримской истории, описанному Титом Ливием: по просьбе Сената, Луций Квинций Цинциннат оставил сельскую жизнь и принял полномочия диктатора, чтобы спасти свой город от врага.

С. 254. *Се Ахилл ~ на старую Трою!!!!* — Отсылка к «Илиаде» Гомера.

С. 254. *Се Наполеон, возвратившийся с острова Эльбы!!!!* — Отсылка к историческим событиям т. н. «Ста дней» — краткосрочного возвращения Наполеона I к власти после бегства из заключения на о. Эльба (1815). Этот эпизод был особо актуален в связи с тем, что в конце 1851 г. племянник Наполеона I Наполеон III объявил себя императором.

С. 254. *Четыррьмя фельетончиками ~ здание русской журналистики.* — В 1839 г. «Отечественные записки» возобновились под редакцией А. А. Краевского (см. упоминание о нем ниже), пригласившего сотрудничать Белинского, а в 1841 г. Погодин основал «Москвитянин», выступавший против журнала Краевского. Здесь могут иметься в виду оба эти события.

С. 254. *...фельетоны, напечатанные в конце ~ один великий критик...* — Выражение «на заднем плане» — цитата из полемической заметки «Отечественных записок» по поводу «Стихотворений Эраста Благонравова» (см.: ОЗ. 1851. № 11. Отд. VIII. С. 31). Хотя отношение критика «Отечественных записок» к «Москвитянину» явно пренебрежительно, «не очень известным» в этой заметке журнал Погодина не назван.

С. 254. *О последнее проявление варяжского (норманского?) элемента русской истории!* — Отсылка к спорам о норманской теории происхождения русского государства. Эту теорию обсуждали в своих трудах Карамзин и Погодин.

С. 255. *Родился я от благородных родителей ~ делаюсь русским писателем.* — Ирония над образом «светского» литератора наподобие Панаева (ср. его обвинения в «светскости» ниже), который, по Алмазову, русским писателем быть не может хотя бы в силу сословных предрассудков. Менее вероятен автобиографический подтекст (см.: Тимашова. С. 284).

С. 255. *...со мной даже вступает в полемику ~ очень полезные, ведомости.* — Речь идет о статьях «Отечественных записок» и «Санкт-Петербургских ведомостей».

С. 255. *...выходки против моих статей еще продолжаются...* — В первую очередь, речь идет о реакции Панаева (см. коммент. к статье Алмазова «Сон по случаю одной комедии. Предупреждение», наст. изд., с. 605).

С. 255. *...прошу вас меня выслушать и принять мое дело на апелляцию.* — Судебное законодательство до реформы 1864 г. подразумевало, что жалобы подавались и рассматривались только по письменным заявлениям. Решение публики здесь предстает в виде формы суда, отсутствовавшей в России.

С. 255. ...я, обаянный самым неукротимым самолюбием ~ одно только благоговение. — Видимо, речь идет об упреках Панаева в адрес «молодой редакции» в целом, которая, по мнению критика, лишь повторяла идеи Белинского (см., например.: С. 1851. № 5. Отд. VI. С. 52).

С. 255. ...такowymi литературными деятелями ~ в нашей литературе. — В перечне Алмазова отсутствуют такие авторы, как Н. М. Карамзин (см.: Тимашова. С. 284) и М. Ю. Лермонтов — первый, возможно, потому, что воспринимался окружением Погодина скорее как историк, а второй — в силу своего «отрицательного» направления (см. разбор этого направления в статьях Григорьева «Русская литература в 1851 году» и «Русская изящная литература в 1852 году», наст. изд.).

С. 255. Меня упрекали в том ~ к литературным произведениям... — Речь идет об отзыве Дружинина на «Стихотворения Эраста Благодрава» (см. наст. изд., с. 210–211).

С. 255. Я никак не могу согласиться ~ романам Александра Дюма. — Как явствует из контекста, речь идет о Дружинине и Панаеве. Об отношении «молодой редакции» к сочинениям А. Дюма-отца см. коммент. к статье Григорьева «Русская литература в 1851 году» (наст. изд., с. 652).

С. 255. Прекрасно сказал про них Гоголь ~ спокойного расположения духа. — Речь идет об отступлении, помещенном в гл. 11 «Мертвых душ»: «Не загляни автор поглубже ему в душу, не шевельни на дне ее того, что ускользает и прячется от света, не обнаружь сокровеннейших мыслей, которых никому другому не веряет человек, а покажи его таким, каким он показался всему городу, Манилову и другим людям, — и все были бы радешеньки и приняли бы его за интересного человека. Нет нужды, что ни лицо, ни весь образ его не метался бы, как живой, пред глазами: зато, по окончании чтения, душа не встревена ничем, и можно обратиться вновь к карточному столу, тещащему всю Россию» (Гоголь. ПССиП. Т. 7. Кн. 1. С. 228).

С. 255. ...эти господа так не любят Гоголя... — Имеется в виду пародия Панаева на «Мертвые души» (см. статью Алмазова «Стихотворения Эраста Благодрава» — наст. изд., с. 159).

С. 256. ...она сделалась рынком, где сбываются сырые, грубые, литературные продукты... — Типичное для Алмазова представление о «петербургской» литературе как рынке восходит к идеям Шевырева, выраженным в статье «Словесность и торговля» (см. наст. изд., с. 635).

С. 256. ...на каждом шагу воздыгаются увеселительные балаганы... — Ср. изображение русской литературы как цирка в статье «Сон по случаю одной комедии» (наст. изд., с. 122).

С. 256. ...воспитанный на Карамзине, Жуковском, Крылове, Грибоедове, Пушкине... — Судя по отличиям от приведенного выше (см. с. 255) списка, Карамзин, Крылов и Грибоедов оцениваются не столько как творцы «художественных» произведений, сколько как деятели, способствовавшие просвещению.

С. 256. ...и т е р а т о р представлялся моему воображению в виде полубога. — Poleмическая отсылка к статье Белинского «Русская литература в 1844 году»: «В это золотое время быть поэтом — значило быть древним полубогом» (Белинский. Т. 7. С. 182).

С. 256. Quosque tandem Catilina?... — Начало знаменитой первой речи Марка Туллия Цицерона против Катилины (63 г. до н. э.), отсылает к знаменитой фразе: «Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением?» (пер. В. О. Горенштейна).

С. 256. ...некоторые говорили ~ в с е м и русскими писателями. — Видимо, неточный пересказ отзыва «Санкт-Петербургских ведомостей» на «Стихотворения Эраста Благодрава» (см. наст. изд., с. 638).

С. 256. Отечественные записки ~ составил А. Галахов. — Об издателе «Отечественных записок» см. ниже, с. 703. Эпиграф к «Отечественным запискам» — высказывание французского богослова Герсония, в глазах Алмазова, вероятно, противоречащее политике журнала. В «Отечественных записках» впервые было опубликовано большинство известных современникам сочинений Лермонтова (см. подробнее: Никитина Н. С. «Отечественные записки» // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М., 1981; Бодрова А. С. К истории посмертных изданий Лермонтова: Словесность, коммерция и институт авторского права в начале 1840-х годов // Русская литература. 2014. № 3). Сочинения Кольцова печатались в «Отечественных записках» в начале 1840-х гг.; Владимир Иванович Даль (псевдоним: Казак Луганский) публиковал свои произведения в журнале с 1839 по 1846 г. (см.: Боград В. Э. Журнал «Отечественные записки». 1839–1848: Указатель содержания. М., 1985). О романе Зотова «Старый дом» см. коммент. к статье Эдельсона «“Отечественные записки”. 1851 год, № 2-й» (наст. изд., с. 593; ср. с. 588–589). Ср. схожие упреки с упоминанием того же романа в статье Алмазова «Стихотворения Эраста Благодрава» (наст. изд., с. 157). Там же см. и иронический отзыв о хрестоматии А. Д. Галахова, которая здесь характеризуется словами Пушкина (стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», 1836). В разделе критики «Отечественных записок» действительно помещались статьи Галахова, такие как упомянутая ниже «Сочинения Кострова и Аблесимова» (1851. № 11). Возможно, Алмазов догадывался об авторстве неподписанной рецензии Галахова на «Бедную невесту» Островского (см. наст. изд.). Ирония здесь основана на сопоставлении Галахова и прямо не названного Белинского, чье место в журнале занял Галахов.

С. 256. «Современник, литературный журнал ~ великосветским взглядом. — О трактовке «Современника» «молодой редакцией» как «великосветского» журнала см. статью Алмазова «Сон по случаю одной комедии. Предупреждение» (наст. изд., с. 90).

С. 256. «Библиотека для чтения» с греческим эпиграфом ~ ничем не укротимым остроумием. — «Остроумие» действительно считалось наиболее яркой чертой «Библиотеки для чтения» и ее редактора О. И. Сенковского (см., например, в наст. изд. статью Алмазова «Сон по случаю одной комедии», с. 122), который поставил эпиграфом к своему журналу изречение из «Воспоминаний о Сократе» Ксенофонта на языке оригинала (перевод С. И. Соболевского: «А для меня что же позорного в том, что другие не могут по отношению ко мне ни судить, ни поступать справедливо? Как я вижу, и люди прежних времен оставляют по себе неодинаковую память в потомстве, в зависимости от того, были ли они виновниками несправедливости или жертвами ее». — Ксенофонт. Сократические сочинения. СПб., 1993. С. 187).

С. 257. К литературному отделу ~ не относится к литературе. — В 1852 г. Дружинин начал печатать свои «Письма...» в «Библиотеке для чтения». Очевидно, остальные статьи «Библиотеки для чтения» Алмазов не воспринимал как достойные обсуждения.

С. 257. «Пантеон», издание ~ подвергнувшееся большим переменам. — В начале 1852 г. «Пантеон» подвергся реформе, которую Григорьев, комментируя редакционное объявление (Пантеон. 1852. № 1), описал так: «...“Пантеон” из журнала, специально посвященного театру и драматургии, сделался журналом литературно-художественным; мы даже внутренне порадовались такому расширению программы...» (М. 1852. № 6. Отд. V. С. 74).

С. 257. ...«Москвитянина» далеко еще не представляет того, чего бы мне хотелось. — Алмазов, например, иронизировал по поводу обилия опечаток в «Москвитяnine» (см. наст. изд., с. 127). Речь могла идти и о более принципиальных недостатках, вызванных конфликтами между «молодой редакцией» и Погодиным (см. наст. изд., с. 15).

С. 257. Я здесь перечисляю ~ всели уже признаны. — Ср. вставку Погодина в статью Григорьева «Русская изящная литература в 1852 году» с перечислением многочисленных литераторов старшего поколения (наст. изд., с. 328). Возможно, упоминание о «всеми уже признанных» литераторах также вставлено по настоянию редактора, которому едва ли могло понравиться исключение старых сотрудников журнала из перечня актуальных писателей.

С. 257. Г. Гончаров ~ отрывка «Сон Обломова». — Алмазов развивает идеи, высказанные в статье Григорьева «Русская литература в 1851 году» (см. наст. изд., с. 201). Ср., например, у обоих авторов характеристику «Обыкновенной истории» как романа, посвященного развенчанию романтизма, или оценку образа Петра Ивановича Адуева как идеального воплощения «практического направления».

С. 257. Жаль, что критика до сих пор не сделала подробного разбора этих произведений. — Алмазов игнорирует многочисленные отзывы об «Обыкновенной истории», в том числе статьи Белинского, Галахова и Григорьева (см. в наст. изд. коммент. к статье Григорьева «Русская литература в 1851 году», с. 666), как не относящиеся к настоящей критике.

С. 258. ...про него можно сказать ~ самому плохому порядку вещей. — Судя по всему, неточно излагается следующее рассуждение С. М. Соловьева из второго тома «Истории России с древнейших времен»: «Мономах не возвышался над понятиями своего века, не шел наперекор им, не хотел изменить существующий порядок вещей, но личными доблестями, строгим исполнением обязанностей прикрывал недостатки существующего порядка, делал его не только сносным для народа, но даже способным удовлетворять его общественным потребностям» (Соловьев С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1988. Кн. 1. С. 361; впервые: 1852).

С. 258. Это лицо написано по рецепту, составленному тогдашней критикой. — Имеются в виду сочинения Белинского (см. подробнее ниже).

С. 258. Бог знает ~ городского волокиты. — Цитата из «Сна «Обломова», опубликованного в «Литературном сборнике с иллюстрациями» (СПб., 1849). Вместо «страстные взгляды» у Гончарова — «страстные и красноречивые взгляды».

С. 258. Тогдашняя критика ~ избегать фантазии и мечты. — Речь идет о типичном для Белинского культе «действительности», который в позднем его творчестве понимался как необходимость социальной активности, а не отвлеченного мышления (см., например: Terras. P. 82–92; Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1977. С. 77–78).

С. 259. Г. Дружинин, написавший две прекрасные повести: «Полинька Сакс» и «Рассказ Алексея Дмитриевича». — Алмазов развивает идеи, высказанные в статье Григорьева «Русская литература в 1851 году».

С. 259. Произведения Г. Дружинина ~ какого-нибудь сословия. — Список «дурных» сторон натуральной школы (фотографическая точность в воспроизведении быта, сатирическое отношение к действительности и проч.) соответствует уже не раз высказанным «молодой редакцией» идеям — ср.

в наст. изд. статьи самого Алмазова «Сон по случаю одной комедии. Предупреждение», «Сон по случаю одной комедии», статью Григорьева «Русская литература в 1851 году» и проч. «Молодая редакция» невысоко ценила язык народной прозы Тургенева и Григоровича (см. в наст. изд. статьи Алмазова «“Современник”. 1854 года. №№ 3-й и 4-й» и Григорьева «Обозрение наличных литературных деятелей»). Видимо, имеется в виду воспроизведение «живой речи» городских сословий.

С. 259. ...их речь может быть легко переведена на любой европейский язык. — Ср. суждения о переводе в финале статьи Алмазова «Сон по случаю одной комедии» (наст. изд., с. 137). В 1860–1870-х гг. Алмазов сам стал активным переводчиком.

С. 259. Такое изображение любви ~ предлагают писатели-натуралисты... — Алмазов противопоставляет «писателей-натуралистов», пишущих о любви, авторам, воспевающим «разочарованных» героев (см. ниже). В статье Григорьева «Русская литература в 1851 году» возникает схожее противопоставление «двух натуральных школ», в одну из которых включаются Ф. М. Достоевский и Я. П. Бутков (см. наст. изд., с. 190–191). Видимо, здесь также имеются в виду именно они, а под «грубым» изображением любви понимаются, например, отношения героев романа «Бедные люди» (1846), фабульно несколько схожие с отношениями героев Дружинина.

С. 259–260. К недостаткам повести ~ самой Полинки. — Poleмика со статьей Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года» (1848), где именно образ Полинки был объявлен наиболее сильной стороной повести (см.: Белинский. Т. 8. С. 403).

С. 260. С некоторого времени ~ разные бесчестные поступки... — Речь идет о Печорине и героях подражателей Лермонтова, таких как Тамарин М. В. Авдеева (см. наст. изд., с. 582).

С. 260. ...«праздность мать всех пороков»... — Цитируется широко распр. прописное выражение, аналоги которому встречаются в самых разных языках (см.: Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). Изд. 2-е, пересм. и значительно пополненное. СПб., 1896. С. 344).

С. 260. Тогда они ~ люди совсем необразованные... — Вероятно, имеется в виду главный герой повести А. Ф. Писемского «Тюфяк» (см.: Тимашова. С. 285).

С. 261. ...Молчалин в новом костюме... — Аналогия персонажей Дружинина и комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824) проведена, видимо, на основании их недостаточного возвышенного отношения к любви.

С. 261. Исключение только за Чацким ~ создание первоклассного художника... — Грибоедов, по мнению Алмазова, относится к истинным «художникам», вероятно, наравне с Гоголем представляя «субъективный» полюс драматического искусства, противопоставленный сочинениям Островского. Представление о Чацком как одном из ключевых положительных героев русской литературы не было широко распространено в русской критике. Значение Чацкого отрицали такие значимые для «молодой редакции» авторы, как Пушкин (его заметки о «Горе от ума» из письма к А. А. Бестужеву были известны, например, благодаря книге П. А. Вяземского «Фон-Визин» (СПб., 1848)) и Гоголь (статья «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность»). Той же позиции, что Алмазов, придерживались полузабытые к середине XIX в. критики (см. статью О. М. Сомова «Мои мысли о замечаниях г. Мих. Дмитриева на комедию “Горе от ума” и о характере Чацкого», 1825, В. Ф. Одоевского «Замечания на суждения Мих. Дмитриева о комедии “Горе от ума”», 1825). В отличие от Белинского и других авторов, Алмазова больше интересовал положительный герой Грибоедова, а не сатирическое изображение московского общества.

С. 261. ...так называемые писатели-беллетристы, желающие добра ближнему. — Алмазов полемизирует с теорией беллетристики Белинского, основанной на возможности давать советы «беллетристам», и пытается с их помощью ослабить «сатирическое» направление современной ему литературы. Ср. статью Григорьева «Русская литература в 1851 году» (наст. изд., с. 184–185).

С. 261. В старину из биографий Плутарха учились добродетели... — «Сравнительные жизнеописания» (кон. I — нач. II в.) Плутарха использовались в качестве нравоучительного сочинения в России и во Франции XVIII — начала XIX в., где издавались многочисленные извлечения из них.

С. 261–262. Многие находят ~ высказано печатно. — Видимо, ошибка: П. В. Анненков, напротив, писал в статье «Заметки о русской литературе прошлого года», что лицо Кости исполнено «преlestи и истины» (С. 1849. № 1. Отд. III. С. 17). В той же статье Анненков высказал и напоминающие статьи Алмазова соображения о необычном для русской литературы образе главного героя «Полинки Сакс», наделенного внутренним достоинством и чувством долга (см.: Там же. С. 16–17).

С. 262. ...она, подобно Антигоне, с нежностью ведет под руку дряхлого родителя... — Отсылка к трагедии Софокла «Эппи в Колоне».

С. 262. Нам очень приятно упомянуть ~ «Утро на Невском проспекте». — Об отношении «молодой редакции» к сочинениям Панаева в целом и к повести «Гля» см. коммент. к статье Григорьева «Русская литература в 1851 году» (наст. изд., с. 651). Повесть «Актеон» (1842) посвящена сатирическому изображению столичного франта, очерк «Петербургский фельетонист» (1841) и рассказ «Утро на Невском проспекте» (1844) — обличению современной журналистики и столичным

нравам. Очевидно, с точки зрения Алмазова, предметы сатирического описания раннего Панаева (франтовство, беспринципность продажных журналистов, подражание светским нравам) напоминают самого Панаева — издателя «Современника» (см., например, статью «Стихотворения Эраста Благодурова», наст. изд.).

С. 262. *Помните ли вы, например ~ «ей-богу, свистун».* — Излагается содержание рассказа Панаева «Утро на Невском проспекте», где «молодой фронт <...> с неровными и искрошившимися зубами» и его друг собираются к Излеру, когда некий «человек высокого роста в замасленной и оборванной фуражке с изломанным козырьком, худой и небритый, с табаком под носом, в толстой солдатской шинели, едва прикрывающей колени, в порыжелых и огромных мужицких сапогах» предлагает им собаку, на что фронт на испорченном французском отвечает: «*кесь киль вё, сет-ом?*» (Алмазов исправил французский героя Панаева), на что продавец произносит: «Ах ты свистун этакий! <...> Ей-богу, свистун!..» (Литературная газета. 1844. № 1. 1 янв.). Последние слова «высокого человека» у Панаева адресованы не «себе», как утверждает Алмазов, а извозчику.

С. 262. *Хороша также «Барышня» г. Панаева...* — Повесть Панаева «Барышня» (1844) могла привлечь внимание Алмазова, поскольку ее главная героиня, полубразованная, презирающая своих родных и стремящаяся к более «цивилизованному», по ее мнению, обществу, во многом близка «Липочке» из комедии Островского «Свои люди — сочтемся!».

С. 262. *...в статье о парижских увеселениях ~ при разборе «Петербургского сборника».* — Шевырев считал нужным «вступить за русских нянек», якобы несправедливо упрекаемых Панаевым в очерке «Парижские увеселения» (Петербургский сборник. СПб., 1846), и заявил: «Поверьте, что русская няня не имеет нужды учиться у парижской ни преданности, ни христианскому самоотвержению, ни кротости в обращении с ребенком, ни даже опрятности» (Шевырев. С. 235). Ср. наст. изд., с. 533.

С. 262. *Некоторые из них, как, например, «Большой свет», отличаются серьезным направлением.* — Эту же повесть В. А. Соллогуба упоминает Григорьев в статье «Русская литература в 1851 году» (наст. изд., с. 206).

С. 262. *Изю всех наших великосветских писателей ~ знает большой свет.* — Алмазов следует за идеями, высказанными Григорьевым в статье «Русская литература в 1851 году» (ср. наст. изд., с. 205–206), однако не упоминает Н. Ф. Павлова, который, видимо, не казался ему актуальным писателем.

С. 262. *...он давно перестал писать.* — Видимо, имеется в виду жанр светской повести. Соллогуб печатал новые произведения достаточно активно: в 1850 г. появились водевиль «Беда от нежного сердца» и повесть «Старушка» (негативный отзыв Эдельсона об обоих см.: М. 1851. № 1. С. 133–134), а в 1851 г. — пьеса «Сотрудники, или Чужим добром не наживешься» (сдержанную рецензию Григорьева см.: М. 1851. № 7. С. 386–387).

С. 262–263. *Самые лучшие его произведения ~ «Похождения Накатова»...* — «Молодая редакция», в отличие от других русских критиков, невысоко ставила крестьянскую прозу Д. В. Григоревича (см. наст. изд., с. 667). Здесь перечислены его сочинения на другие темы: рассказ «Театральная карета» (1844) посвящен театральной жизни, очерк «Петербургские шарманщики» (1843; опубл. 1845) — городской бедноте, повесть «Похождения Накатова» (1849) — мелким фронтам.

С. 263. *Г. Нестроев, написавший прекрасную повесть «Без рассвета»...* — Повесть П. Н. Кудрявцева (псевдоним: А. Нестроев) «Без рассвета» (1847) высоко оценивал и Григорьев (см. в наст. изд. его статью «Русская изящная литература в 1852 году», с. 304).

С. 263. *Особенно мне не нравится его пресловутый «Последний визит».* — Повесть Кудрявцева «Последний визит» (1844) вызвала восторженный отзыв Белинского в статье «Русская литература в 1844 году»: «...публика еще в первый раз прочла на русском языке повесть, в которой страсть понята так глубоко и верно, изображена так просто и сильно» (Белинский. Т. 7. С. 212).

С. 263. *Они у него по большей части девушки ~ и несчастливы.* — Характеристика подходит героиням и «Последнего визита», и «Без рассвета».

С. 263. *Их тип очень справедливо и очень успешно осмеян в нашей литературе.* — Ироничное или, по крайней мере, далекое от идеализации изображение бывших институток действительно характерно для таких, например, сочинений, как роман С. А. Закревской «Институтка» (1841). Возможно, Алмазов мог иметь в виду образ Мамиловой из повести Писемского «Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына. Брак по страсти» (1851), которая, хотя в тексте и не названа институткой, напоминает типичную выпускницу благородного института.

С. 263. *...г. Нестроев давно ничего не печатает...* — Повесть «Без рассвета» была последним художественным произведением Кудрявцева.

С. 263. *Г. Островский пишет еще комедию ~ в «Бедной невесте».* — Речь идет о комедии «Не в свои сани садись», которая, по мнению Алмазова, будет развивать истинно «художественное», а не беллетристическое направление (см. статью Григорьева «Русская изящная литература в 1851 году»). «Сцены из купеческого быта» — «Картина семейного счастья» (раннее название сцены Островского «Семейная картина»).

С. 263. ...замечательны его переводы славянской народной поэзии... — Берг занимался переводами с сербского, чешского, польского, украинского и других языков с середины 1840-х гг. Ср. переведенные им книги «Краледворская рукопись. Собрание древних чешских эпических и лирических песен» (М., 1846; переизд.: Прага, 1851) и «Сербские народные песни» (М., 1847). Переводы Берга постоянно печатались в «Москвитянине».

С. 263. Особенно хорошо перевел г. Берг сербскую эпическую «Б а н С т р а х и н ь я», которая будет напечатана в нашем журнале. — В «Москвитянине» появились переводы Берга с сербского «Смерть Марка-Кралевица» (1852. № 21) и «Марко Кралевиц и Лютица Богдан» (1853. № 10).

С. 263. Тот же самый г. Берг ~ прозаических выражений. — См. об оригинальных стихотворениях Берга в статье Григорьева «Русская литература в 1851 году» (наст. изд., с. 327–328). Возможно, Алмазов имел в виду стихотворение «Над гробом Гоголя» (М. 1852. № 8), ставшее предметом полемики с «Москвитянином» (см. в наст. изд. статью Филиппова «“Современник”, март» и коммент. к ней, с. 251, 690).

С. 263. Нам довелось недавно слышать его рассказ «Г о р о д и д е р е в н я» (который тоже будет помещен в «Москвитянине»). — Сочинение Берга с таким названием неизвестно.

С. 264. Г. Щербина называет свои стихотворения греческими... — Н. Ф. Щербина назвал свой сборник «Греческие стихотворения» (Одесса, 1850).

С. 264. Стихотворения г. Щербины ~ смесь античного с новым. — Сопоставление сочинений Щербины с посвященной античности поэзией Андре Шенье (Chénier, 1762–1794) оригинально на фоне русской критики середины XIX в., для которой Шенье вообще не был актуален.

С. 264. Критика наша была несправедлива к г. Щербине и поставила его недостаточно высоко. — Речь идет о позиции Панаева (см. коммент. к статье Григорьева «Русская литература в 1851 году» в наст. изд., с. 654).

С. 264. ...в отличие от тех неопределенных ~ выражают что-то. — Речь идет о поэзии Фета (ср. ниже).

С. 264. ...четыре превосходные стихотворения ~ «К а р т и н ы д р е в н е г о м и р а»... — Перечисляя сочинения Мея, Алмазов выбирает приближающиеся к стилизациям «Хозяина» (М. 1849. № 11), «Подражание восточным» (М. 1849. № 16), «Русалку» (М. 1850. № 21), «Картины древнего мира» (М. 1852. № 8).

С. 264. ...у них поминутно встречаются *lazaroni* и *macaroni*, *Ferrara* и *Dulcamara* и т. д. — Видимо, скорее здесь иронический набор «итальянских» штампов русской литературы, чем отсылка к конкретным стихотворениям. См., например, о русских описаниях неаполитанского карнавала 1830–1840-х гг.: Лебедева О. Б. Неаполитанский период в жизни и творчестве Н. В. Гоголя // Образы Италии в русской словесности / Под ред. О. Б. Лебедевой, Т. И. Печерской. Томск, 2011. С. 148–149; среди примеров много упоминаний о лаццарони и макаронах. Феррара — город в Италии, упомянутый, например, в стихотворении К. Н. Батюшкова «Умиравший Тасс» (1817). Обе пары рифмующихся слов составляют контраст между уже освоенным поэзией выражением и кулинарным понятием.

С. 264. ...оно будет дышать Италией. — Ироническое воспроизведение речевого штампа. Ср., например, в стихотворении А. С. Хомякова «Иностранка» (1832): «Вся роскошь Юга дышит в ней...». Это стихотворение цитируется в статье Белинского «Русская литература в 1844 году», с которой Алмазов полемизирует ниже.

С. 264–265. ...его «Египетские ночи» дышат Египтом... — Возможно, ирония: в «Египетских ночах» Пушкина (1835, опублик. 1837) действие происходит в России, и только вставной рассказ «переносит нас в среду древнего римского мира, одряхлевшего, утратившего все верования, все надежды, холодного к жизни и все еще жаждущего наслаждений, за которые охотно платит жизнью, как будто жизнь дешевле денег...» (Белинский. Т. 6. С. 469).

С. 265. ...некоторые стихотворцы ~ к у т е ж и проч. — Видимо, ироническое преувеличение. «Колорит русской народности» мог раздражать Алмазова, например, в стихотворении Некрасова «Кольбельная песня», где слово «подлец» употреблено в «народной» речи. Это стихотворение Алмазов воспринимал как неудачную пародию на Лермонтова (см. статью «Стихотворения Эраста Благодрава», наст. изд., с. 164–166). «Молодецкий» — одно из самых частотных слов в поэзии Н. М. Языкова, которую Алмазов оценивал высоко (см. ниже).

С. 265. ...стихотворение «Русалка». — Стихотворение Мея «Русалка» впервые опубликовано: М. 1850. № 21.

С. 265. ...самый блестящий период ~ цвета и могущества... — Речь идет о 1840-х гг., когда вышли в свет первые книги Майкова: «Стихотворения» (СПб., 1842) и «Очерки Рима» (СПб., 1847). Алмазов при этом игнорирует поэмы «Две судьбы» (1845) и «Машенька» (1846), созданные с учетом эстетических принципов натуральной школы (см. отрицательный отзыв о них в статье Григорьева «Русская изящная литература в 1852 году», наст. изд., с. 326, а также высокую оценку, данную Майкову Белинским).

С. 265. ...вокруг него воздвигались жертвенники литературному Ваалу... — Типичное для Алмазова обвинение представителей натуральной школы в корыстных побуждениях восходит к идеям Шевырева (см. в наст. изд. коммент. к статье «Стихотворения Эраста Благодногова», с. 635).

С. 265. *Главный род произведений г. Майкова — стихотворения в античном духе.* — Высокая оценка «античной» лирики Майкова объединяет Алмазова с Белинским, который, в отличие от Алмазова, в статье «Русская литература в 1842 году» отнес неспособность Майкова отзываться на современные проблемы к недостаткам поэта (см.: Белинский. Т. 5. С. 207).

С. 265. ...*смесь предвзвешивает ~ на манер древних.* — «Торжество победителей» (1803) Шиллера Алмазов, видимо, знал по переводу В. А. Жуковского (1829). Под произведениями Гете «на манер древних» могли иметься в виду «Римские элегии» (опубликованы в 1795), которым Алмазов позже подражал в собственных стихотворениях, обращаясь именно к теме связи современности и классической древности (см.: Алмазов. Т. 1. С. 21). Курсивом выделено ключевое для «молодой редакции» эстетическое понятие «объективность».

С. 265. ...«Кубок» и «Анакреон». — Указаны «античные» стихотворения Майкова «Барельеф» (БдЧ. 1842. № 10; посвящено барельефу, нанесенному на кубок) и «Анакреон» (С. 1852. № 3).

С. 265. *В его стихах ~ больше всего идут к песне...* — Обыгрывается этимология слова «лирика» (от др.-греч. названия музыкального инструмента). Расширительные трактовки понятия «песня» распространены в трактатах об искусстве конца XVIII — начала XIX в. Так, Н. Ф. Остолопов полагал, что «настоящий свой величественный вид» лирическая поэзия имела лишь у народов, исполнивших ее на музыкальных инструментах, то есть древних греков и евреев (Остолопов Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Ч. 2. С. 120, 116). В статье Галахова «Сочинения Кострова и Аблесимова», с которой Алмазов полемизирует ниже, высказано противоположное мнение: «Древний поэт начинал нередко свою оду словом *пою*, потому что стихотворение его назначалось действительно для пения; он говорил о лире, потому что песнь его сопровождалась звуками этого инструмента <...> Новые поэты начали также восклицать *пою*, хотя сидели в кабинете и читали, а не пели свои творения; держа в руках перо, толковали о лире и звуках <...> Там — признание искреннее, здесь — признание лицемерное...» (Оз. 1851. № 11. Отд. V. С. 13).

С. 265. ...*если б в «Отечественных записках» ~ об его поэзии...* — См. об этой статье Кудрявцева коммент. к статье Григорьева «Русская литература в 1851 году» (наст. изд., с. 654).

С. 266. *Г. Полонский, о котором мне представится случай скоро говорить подробно.* — Вскоре после появления статьи Алмазова в «Москвитяине» была опубликована идиллия Я. П. Полонского «Финский берег» (1852. № 21), однако Алмазов, как и другие члены «молодой редакции», не оставил развернутых суждений ни о ней, ни о других сочинениях Полонского (см. также коммент. к статье Григорьева «Русская изящная литература в 1852 году», наст. изд., с. 722).

С. 266. ...*есть у г. Некрасова ~ «Если мучимый страстью мятежной...».* — Стихотворение Некрасова «Когда из мрака заблужденья...» (1846) и «Если мучимый страстью мятежной...» (1847) выбраны Алмазовым, видимо, в силу возможности сделать на их основании определенный нравственный «вывод». Первое из них высоко оценено и в статье Григорьева «Обозрение наличных литературных деятелей» (см. наст. изд., с. 517).

С. 266. *Многим очень нравится «Огородник» г. Некрасова.* — Стихотворение «Огородник» (1846) пользовалось большой популярностью у критики (см.: Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова: В 3 т. СПб., 2006. Т. 1; по ук.). Здесь, видимо, имеется в виду Ап. Григорьев, высоко оценивший это стихотворение (см.: Московский городской листок. 1847. № 52. 5 мар.).

С. 266. ...«*Еду ли ночью по улице темной...*...» — Стихотворение Некрасова (1847), произведшее шокирующее впечатление на современников (см. коммент. А. М. Гаркави: Некрасов. Т. 1. С. 593–594). Ср. отзыв о нем в статье Григорьева «Обозрение наличных литературных деятелей» (наст. изд., с. 515–516).

С. 266. ...*он решительно никому не подражает, особенно в своих шуточных произведениях.* — «Шуточными» Алмазов считал «перепевы» Некрасова, хронологически предшествующие сочинениям Нового Поэта (см. статью «Стихотворения Эраста Благодногова», наст. изд.).

С. 266. *Сей остальной из стаи спутников славной звезды Пушкина.* — Отсылка к строкам «Сей остальной из стаи славной / Екатерининских орлов» из стихотворения Пушкина «Перед гробницею святой...» (1831, опубл. 1836), посвященного М. И. Кутузову.

С. 266. *Содержание поэзии Хомякова патристическое ~ многие другие.* — Перечислены стихотворения А. С. Хомякова «России» («Гордись! — тебе льстецы сказали...», 1839), «Мы род избранный, — говорили...» (1851), «Остров» (1836). Определяя их как «торжественные оды», Алмазов имел в виду возвышенное гражданское содержание, которое служило основным признаком этого жанра в эстетике начала XIX в. Так, Остолопов утверждал, что в одах «воспеваются знаменитые происшествия и славные подвиги: возвышенность предметов и мыслей, восторг пиита и все красоты лирической поэзии составляют главнейшее свойство сих од» (Остолопов Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Кн. 2. С. 234). Галахов, отзыв о статье которого см. ниже, видел

красоту современной оды «в величии, в оригинальности мысли» (ОЗ. 1851. № 11. Отд. V. С. 33) и относил к таким одам сочинения на гражданские темы Пушкина, Языкова и Лермонтова.

С. 266. ...язык часто принимает склад ~ у Языкова. — Проблема воспроизведения библейского языка в поэзии остро стояла перед многими поэтами середины XIX в. Ср., например, рассуждения на ту же тему Григорьева в статье «Обозрение наличных литературных деятелей» (наст. изд., с. 519–521), посвященные творчеству Мея.

С. 266. ...в литературе последовала проскрипция всех русских писателей... — Речь идет о статье Белинского, регулярно пересматривавшего историю русской литературы. Позже, в статье «Взгляд на русскую литературу в 1858 году», Алмазов отзовется о них более точно и сдержанно: «...в те времена читатель знал наверное, что такой-то журнал в январской своей книжке непременно напечатает статью под названием “Русская литература в 18... году”, что в ней будет трактоваться обо всей русской литературе настоящей, прошлой... и даже будущей; что в ней в сотый раз пересмотрят всех русских писателей от Кантемира до Гоголя, поставят на очную ставку с современными писателями и разместят всех деятелей нашей словесности в новом порядке, сообразно с новой философской или нравственной идеей, которая ляжет в основание ожидаемой статьи» (Алмазов. Т. 3. С. 338).

С. 266. Все писатели ~ эстетического наслаждения. — Белинский после 1841 г. считал первым подлинно художественным русским писателем Пушкина, а первым подлинно актуальным — Гоголя, о чем неоднократно заявлял в своих статьях.

С. 266. В 1844 г. от Р. Х. ~ с стихотворениями Языкова. — Речь идет об изданиях «НС <56> стихотворений Н. М. Языкова» и «КД <24> стихотворения А. С. Хомякова» (оба — М., 1844). Алмазов иронично считает время их выхода в свет от основания Рима, то есть по принятому в античности летосчислению.

С. 266. Их судили ~ были недурны. — Белинский разобрал обе книги в сопоставлении в статье «Русская литература в 1844 году» (ОЗ. 1845. № 1), рассматривая их в контексте «золотого времени» русской поэзии, которое, в свою очередь, оценивал иронически (Белинский. Т. 7. С. 182). По Белинскому, «историческое значение» поэзии Языкова «немаловажно», однако «в эстетическом отношении общий характер поэзии г. Языкова чисто риторический, основание зыбко, пафос беден...» (Там же. С. 190). Сочинения Хомякова Белинский считал близкими к языковским.

С. 266. ...«Москвитянин», недовольный отзывом ~ за московских поэтов. — Речь идет о статье И. В. Киреевского «Обозрение современного состояния литературы» (М. 1845. № 1–3), автор которой, вопреки Алмазову, осуждает само стремление Белинского к пересмотру значения литературных авторитетов, а не его оценку сочинений Хомякова и Языкова.

С. 266. ...их раскритиковали совершенно... — Отвечая Киреевскому в статье «Литературные и журнальные заметки» (ОЗ. 1845. № 5), Белинский писал: «Мы знаем, что в свое время г. Языков пользовался большою известностию и что теперь он пишет весьма посредственные стишки; но кто же в свое время не пользовался большою известностию? <...> Относительно же г. Хомякова мы не помним, чтоб он когда-нибудь пользовался особенною известностию, кроме той, которой у нас так легко добиться всякому талантливому версификатору...» (Белинский. Т. 7. С. 571).

С. 266. ...задели и Пушкина — разбрали его послание к Языкову... — Вопреки Алмазову, более подробный разбор сочинений Хомякова и Языкова был помещен в статье Белинского «Русская литература в 1844 году», вышедшей до начала полемики с Киреевским. Именно в нем было выписано послание Пушкина «К Языкову» (1826) с издевательскими комментариями. Один из них цитируется Алмазовым в примечании. Далее Алмазов пересказывает эту статью, несмотря на собственные утверждения, что ведет речь уже о другом сочинении Белинского. Особенно увлеченно защищает критик стихотворение Хомякова «Вдохновение» (1831), где утверждается возвышенный идеал поэта, который явно близок и самому Алмазову. Стихотворение цитируется неточно (у Хомякова — «Лови минуту вдохновенья...» — Хомяков А. С. Стихотворения и драмы / Вступ. ст., подг. текста и примеч. Б. Ф. Егорова. Л., 1969. С. 96).

С. 267. Написать забавную статью ~ он может... — Белинский неоднократно выступал против массовой литературы, одним из «образцов» которой считался Ф. С. Кузмищев (см. о нем коммент. к статье Алмазова «Стихотворения Эраста Благодрава», наст. изд., с. 641). Ср., например, выдержанную в саркастическом тоне рецензию Белинского (ОЗ. 1844. № 2) на издание: Жизнь, как она есть. Записки неизвестного, изданные Л. Брантом (ч. 1–3. СПб., 1843), которое критик воспринимает именно как массовую литературу. В упомянутой выше статье «Литературные и журнальные заметки» Белинский иронизировал по поводу обилия опечаток и плохой бумаги, которые отличали «Москвитянин» и во время редакторства Погодина, и во время редакторства Киреевского. Алмазов на собственном опыте мог убедиться, что типографское качество издания Погодина ко временам его сотрудничества в журнале не изменилось (см. в наст. изд. коммент. к статье «Сон по случаю одной комедии», с. 603–605).

С. 267. Толпа была на стороне этих журналов... — Одновременно воспроизведение полемического клише, восходящего к Шевыреву (см. выше, с. 699), и полемическое переосмысление тезиса

Белинского из упомянутой выше статьи «Литературные и журнальные заметки»: «Успех “Отечественных записок”, ставших теперь довольно высоко в мнении публики, естественно, не мог не возбудить к ним нерасположения со стороны всех изданий, которым хотелось бы добиться успеха» (Белинский. Т. 7. С. 565). «Публика» Белинского для Алмазова отождествляется с толпой.

С. 267. *Из идей ~ сделались общими местами.* — Идеи Алмазова проясняются из его же собственного разбора сочинений Гончарова выше, где он показывает, как некоторые верные идеи Белинского шаблонизировались в текущей литературе. К «очевидно ложным» относится, например, идея необходимости «беллетристики», которая вызвала сомнения у сотрудников «Современника» уже в первые годы после смерти Белинского (см.: Вдовин. С. 76–89).

С. 267–268. *...писатели, ими осмеянные ~ наукой и размышлением...* — Речь идет о Погодине и сотрудниках «молодой редакции», которые воспринимали себя как продолжателей борьбы «Москвитянина» с идеями Белинского и его сторонников (см. в наст. изд. статью Григорьева «Русская литература в 1851 году»).

С. 268. *Чтоб быть повествователем ~ хорошие манеры...* — Алмазов отсылает к строгому разграничению «поэтического» и др. типов повествования, распространенному в классической эстетике (см.: Остолопов Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии. Ч. 2. СПб., 1821. С. 377–379). С его точки зрения, большая часть современных «повествователей» поэтами считаться не могут.

С. 268. *«Omnia tua mesit porto».* — Крылатое выражение, распространившееся благодаря Цицерону.

С. 268. *...я и сам немножко поэт.* — Намек на статью «Стихотворения Эраста Благодрава» (см. наст. изд.).

С. 268. *Прочь с презренною толпою! ~ Жар поэзии понять?* — Неточно цитируется эпиграмма неизвестного автора (в оригинале — «Цыц, схоластики, молчать!..»), приписывавшаяся и Языкову, и П. А. Вяземскому. В самой эпиграмме сочувственно цитируемый Алмазовым противник «схоластики» оценивается иронично (см.: Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века) / Сост. и примеч. М. И. Гиллельсона, К. А. Кумпан; вступ. ст. М. И. Гиллельсона. Л., 1988. С. 362, 631).

С. 268. *...мы желаем ~ свои занимательные письма.* — Издательский намек на неоригинальность сочинений Боткина, который, вопреки Алмазову, действительно был в Испании.

С. 268. *Говорят, что письма Боткина об Испании не совсем оригинальны.* — Ср. запись в тетради А. Н. Майкова от 30 ноября 1851 г.: «Островский, Мей и другие московские литераторы, занимавшиеся редакцией “Москвитянина”, перебирали старые иностранные журналы <...> и <...> убедились, что “Письма” В<асилия> П<етровича> составлены целиком по этим источникам. <...> В “Москвитянине” между тем, обозревая журналы, мимоходом, кто-то из этих литераторов упомянул об источниках “Писем” В<асилия> П<етровича>. В<асилий> П<етрович> пожелтел...» (ИРЛИ. № 17605. Л. 2; с неточностями цитируется: Звигильский А. Творческая история «Писем об Испании» и отзывы о них современников // Боткин В. П. Письма об Испании / Изд. подг. Б. Ф. Егоров, А. Звигильский. Л., 1976. С. 288). Упомянутых Майковым источников «Писем об Испании» в «Москвитянине» выявить не удалось. Возможно, Майков передает ходившие в литературном мире слухи о неоригинальности Боткина.

С. 268. *Г. Боткин пописывает также о музыке...* — Боткин был известным музыкальным критиком — см., например, его статью «Об эстетическом значении новой фортепьянной школы» (ОЗ. 1850. № 1) получившую восторженную оценку Дружинина (см.: Дружинин. Т. 6. С. 266; впервые: С. 1850. № 2).

С. 268. *Лучшая из его статей — рассуждение о Викторе Гюго.* — Статья Галахова «Характер сочинений Виктора Гюго» (ОЗ. 1841. № 8; псевдоним — «Сто первый»; о псевдонимах «Сто первый» и «Сто один» см.: Галахов А. Д. Записки человека / Вступ. ст., сост., подг. текста и коммент. В. М. Божковой. М., 1999. С. 156). Выделяя ее, Алмазов игнорирует многочисленные сочинения Галахова о русской литературе (ср. пренебрежительный отзыв об одной из них ниже), вероятно, в силу несогласия с его общими литературными установками (ср. отзывы о хрестоматии Галахова в статье «Стихотворения Эраста Благодрава», наст. изд., с. 157). Статья о Гюго, видимо, привлекла Алмазова авторской установкой на почтительное отношение к поэзии: «... в лице одного поэта уважим поэта вообще...» (ОЗ. 1841. № 8. Отд. VI. I. С. 1).

С. 268. *Повести его — жалкое подражание г. Нестрову.* — Упомянутые выше повести Галахова «Кукольная комедия» и «Превращение» (обе — 1847) были, по мнению Алмазова, воплощением художественной рутинной натуральной школы (см. упоминание «Превращения» в статьях Григорьева «Русская литература в 1851 году» и Алмазова «Сон по случаю одной комедии. Предупреждение»; наст. изд., с. 200, 202, 93). Между сочинениями близко знакомых Галахова и Кудрявцева действительно можно провести немало параллелей.

С. 269. *Во-первых ~ разбирающим наш журнал.* — Бранью «Отечественные записки» встретили появление «Стихотворений Эраста Благодрава». На некорректный тон этой статьи указывал

Дружинин (см. коммент. к статье «Стихотворения Эраста Благодного», наст. изд., с. 638). Ср. также об эпизоде, который Эдельсон счел оскорблением Берга со стороны «Отечественных записок», в коммент. к статье Григорьева «Русская изящная литература в 1852 году» (наст. изд., с. 728).

С. 269. *Во-вторых ~ рецензент одного журнала.* — Возможно, речь идет об отзыве «Отечественных записок» на «Стихотворения Эраста Благодного», где автору статьи приписываются характеристики его сатирических персонажей (см. коммент. к статье «Стихотворения Эраста Благодного», наст. изд., с. 638).

С. 269. *В-третьих ~ слабости и отсталости.* — Речь идет о «Северной пчеле», литературная позиция сотрудников которой в начале 1850-х гг. была очевидным анахронизмом.

С. 269. *В-четвертых ~ ошибочное, но добросовестное.* — Панаев обычно воздерживался от оценок сочинений авторов, опубликованных в «Современнике», однако мог высоко оценить, например, печатавшиеся в «Москвитянине» сочинения Писемского (см. наст. изд., с. 178). «Молодая редакция» упрекала «Отечественные записки» в некорректных оценках авторов «Москвитянина» (см., например, осуждение Эдельсоном направленной против «Ипохондрика» Писемского «критики посредством анекдотов» — М. 1852. № 8. Отд. V. С. 140).

С. 269. *В-пятых ~ тривиальных целей...* — Сотрудники «Москвитянина» обвиняли «Отечественные записки» в стремлении отбить подписчиков у других журналов (см., например, обзор Эдельсона: М. 1851. № 19–20. С. 641). Общим местом в русской печати со времен статьи Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 годах» были обвинения подобного рода в адрес О. И. Сенковского и «Библиотеки для чтения».

С. 269. *...по характеру своему ~ чем на пансионерку...* — Абсурдное сравнение Иногородного Подписчика с римским императором Нероном (37–68), видимо, указывает на резкость его суждений.

С. 269. *Ему вдруг вздумается ~ о первоклассных писателях...* — Дружинин отмечал недостатки и у Пушкина (см. в наст. изд. коммент. к статье Алмазова «Стихотворения Эраста Благодного», с. 641–642) и у Гете (см. в наст. изд. коммент. к статье Григорьева «Русская литература в 1851 году», с. 660).

С. 269. *...начинает превозносить до небес посредственность.* — Известно множество отзывов Дружинина, которые Алмазов мог воспринять именно так. Так, «молодая редакция» невысоко ставила рассказ Тургенева «Три встречи» (см. в наст. изд. статью Григорьева «Русская изящная литература в 1852 году», с. 307), тогда как Дружинин писал о нем: «Самым милым беллетристическим цветком <...> за нынешний месяц я, без сомнения, назову небольшой рассказец г. Тургенева “Три встречи”. Это маленькая поэма в прозе; рассказать ее содержание почти невозможно, что не мешает мне, однако же, отдать справедливость прекраснейшим частностям рассказа, из которых особенно замечательны все описания природы» (Дружинин. Т. 6. С. 617; впервые: БдЧ. 1852. № 3).

С. 269. *...он мне очень напоминает Полюшку Сакс ~ забыть для нее мужа.* — Отсылка к эпизоду из повести Дружинина «Полюшка Сакс» (гл. 2). Алмазов, вероятно, знал, что Иногородный Подписчик — псевдоним Дружинина.

С. 269. *...он подчас даже капризничает по заказу...* — Примером такого «каприза» может служить трактовка Дружининым «Стихотворений Эраста Благодного», в полемических целях построенная вопреки авторской установке Алмазова (см. коммент. к этой статье в наст. изд., с. 638).

С. 269. *Иногородный Подписчик ~ держу корректуру.* — Автоирония относится к пародийному образу Эраста Благодного (см. об опечатках коммент. к статье «Сон по случаю одной комедии. Предупреждение»; наст. изд., с. 603–605).

С. 269. *...за это вооружение ~ такое множество...* — Проблема «женского» литературного творчества в середине XIX в. стояла очень остро. Вероятно, Алмазов видит в поддержке многими писателями и критиками пишущих женщин (см., например: Белецкий А. И. Тургенев и русские писательницы 30–60-х гг. // Творческий путь Тургенева / Ред. Н. Л. Бродский. Пг., 1923) своеобразную «галантность», то есть столь нелюбимый им перенос норм светской жизни в литературу. Схожим образом характеризовал «пишущих дам» Григорьев в статье «Обозрение наличных литературных деятелей» (см. наст. изд., с. 531).

С. 269. *...некоторые из наших дам пишут гораздо лучше многих наших кавалеров...* — Возможно, издевательский намек на совместное творчество А. Я. Панаевой и Некрасова, создавших роман «Мертвое озеро». Прозу Панаевой «молодая редакция» ценила достаточно высоко (см. наст. изд., с. 457).

С. 270. *Давно уже я ничего не печатал!* — Предыдущая статья за подписью «Эраст Благодного», «Стихотворения Эраста Благодного», вышла почти за год до «Наблюдений Эраста Благодного...».

С. 270. *Г а л а х о в для удивления всей Европы напечатал статью о Кострове...* — Статья Галахова «Сочинения Кострова и Аблесимова», видимо, вызывает иронию Алмазова в силу того, что ее автор подробно разбирает сочинения автора, в котором воплощена, по собственному выражению Галахова, «наша поэзия подражательная» (ОЗ. 1851. № 11. Отд. V. С. 1). Интерес к сочинениям Кострова Галахов объяснял своей восходящей к Белинскому «исторической» методологией, которая

тоже не должна была понравиться сотруднику «молодой редакции» (см. об исторической критике статьи Григорьева «Русская литература в 1851 году», наст. изд.): «Литературная критика обязана всегда относить произведения к тому времени, в которое они явились. Ее дело — смотреть на них не с высоты нынешних понятий, а на основании господствовавших в ту эпоху требований» (ОЗ. 1851. № 11. Отд. V. С. 7). Положительно оценив статью Галахова, Эдельсон обратил внимание именно на это рассуждение: «...нам кажется, что есть какой-то недосмотр в том, что сказано им об исторической критике как единственно законной» (М. 1851. № 23. С. 520).

С. 270. *Г. Булгарин ~ чуть не скончался.* — В фельетоне «Журнальная всякая всячина» (СевПчел. 1852. № 115. 24 мая) Булгарин (подпись: Ф. Б.) действительно описал, как «попал <...> в когти смерти», причем в подробностях изложил свой диалог с воплощенной в образе аллегорической фигуры смертью. Сопоставление прочих литераторов с одиозным Булгариным призвано показать пренебрежительное отношение к ним Алмазова.

С. 270. *Г. Краевский объявлен ~ мы ждем с нетерпением его статей.* — Андрей Александрович Краевский (1810–1889) был редактором «Санкт-Петербургских ведомостей» с 1852 по 1862 г. В отличие от большинства русских редакторов того времени, Краевский в 1840–1850-х гг. никаких сочинений не печатал, за исключением редакционных статей на общественные темы и объявлений.

С. 270. *Любопытно узнать его взгляд на искусства...* — Краевский имел репутацию циничного дельца от литературы. Ирония Алмазова основана на абсурдности предположения, что у него вообще мог быть хоть какой-либо «взгляд на искусства».

С. 270. *...«critique érudit».* — Неточная цитата из статьи Ш. де Сен-Жюльена «Граф Соллогуб и русский нравописательный роман», где Краевский охарактеризован как «глубокий ученый, искусный и твердый критик» (Revue de deux Mondes. 1851. Octobre. T. 1. С. 72–73; ср. негативный отзыв Панаева (Нового Поэта) на ту же статью: С. 1851. № 11. Отд. VI. С. 79–81). Краевский к началу 1850-х гг. уже много лет не печатал литературно-критических статей.

С. 270. *Вышло сочинение г-жи Тур — «Племянница»...* — Об отношении «молодой редакции» к роману Е. Тур «Племянница» см. в наст. изд. коммент. к статье Григорьева «Русская литература в 1851 году» (с. 668).

С. 270. *...роман «отменно-длинный, длинный, длинный»...* — Цитата из поэмы Пушкина «Граф Нулин» (1825).

С. 270. *...постоянно занимаюсь китайскими древностями...* — Намек одновременно на Сенковского, совмещавшего роли фельетониста и востоковеда, и Дружинина, который от лица Иногородного Подписчика постоянно ссылался на занятия, мешавшие ему сочинять свои фельетоны.

С. 270. *...по отрывку, помещенному в «Комете» и названному «Антонина».* — См. об этом отрывке в наст. изд. коммент. к статье Григорьева «Русская литература в 1851 году» (с. 668).

С. 270. *Вышла вторая книжка «Пропилеев»; она еще интереснее первой.* — Речь идет об издании «Пропилеи. Сборник статей по классической древности. Кн. II» (М., 1852), которое готовил экстраординарный профессор Московского университета Павел Михайлович Леонтьев (1822–1874).

С. 270. *...статьи самого издателя — «Мифическая Греция» и «Мифическая Италия».* — Речь идет о пространственных рецензиях Леонтьева на книги: Grote G. History of Greece. 1. Legendary Greece. London, 1849 и Gerlach F. D., Bachofen J. J. Geschichte der Römer. Bd. I. Abt. I. Alteste Geschichte bis zur Gründung der Stadt. Basel, 1851 — вошедшие в сборник под общим названием «Мифическая Греция и Италия».

С. 270. *Хороша также статья г. Кудрявцева «О римских женщинах»...* — Речь идет о статье П. Н. Кудрявцева «Римские женщины по Тациту (Агриппина младшая)».

С. 270. *...большинство читателей ~ тропов и фигур.* — Приукрашенный стиль Кудрявцева действительно мог привлечь к себе внимание, особенно на фоне лаконичных работ таких авторов, как Погодин или С. М. Соловьев. Ср., например, на первой же странице статьи Кудрявцева: «...в общей истории человечества почти не менее поучительны случаи быстрого морального падения, как и верное движение вперед, по направлению к возвышенным целям» (Пропилеи. Сборник статей по классической древности. Кн. II. М., 1852. С. 179).

С. 271. *Статья г. Тихоновича о римлянках составлена прекрасно.* — Речь идет о реферативной статье Поликарпа Васильевича Тихоновича (Тихановича, 1813–1888) «Древние римлянки. Внешняя обстановка древних римлянок: женское отделение в римском доме; одежда римлянок, обувь, наряды, украшения, румяны, уборка волос, прислуга и пр.».

С. 271. *...и романтических затей.* — Неточная цитата из «Графа Нулина».

С. 271. *...я не упомянул о некоторых очень важных недостатках писателей натуральной школы.* — Видимо, отсылка к более ранним статьям под псевдонимом Эраст Благодравов (см. наст. изд.).

С. 271. *...изменил своему катоновскому характеру...* — Ироническое упоминание Марка Порция Катона Младшего (95–46 г. до н. э.), государственного деятеля и философа-стоика, считавшегося образцом строгих нравов.